

АРХИВАРИУС

**ПРОШЛОЕ НЕ УМИРАЕТ.
ОНО ЖДЁТ ПОВТОРЕНИЯ
ОЛЬГА ЕФИМОВА**

18+

Ольга Ефимова

Архивариус

<https://litres.ru/74446927>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда в запертой антикварной лавке находят тело с серебряной монетой на груди, следователь Вера Одинцова ещё не знает, что это не первое такое убийство. Ровно сто лет назад в этом же городе произошло точно такое же преступление — и осталось нераскрытым.

Виктор Штерн, ночной архивариус и потомок следователя, который вёл то давнее дело, знает больше, чем говорит. Он собирал доказательства годами — сотни «зеркальных дел», преступлений, которые повторяются через десятилетия с пугающей точностью. Он называет это цикличностью. Окружающие называют это одержимостью.

Их встреча неизбежна. Их союз — опасен. Потому что чем глубже они копают, тем яснее становится: за убийствами стоит не один человек, а система, существующая веками. Линия. Тайное общество, разделённое на три ветви — серебряные вершат суд кровью, золотые пытаются остановить убийства, медные хотят уничтожить всё. Монеты — их язык. Память — их оружие. Прошлое — их проклятие.

Содержание

Глава 1. Стеклянный шкаф	4
Глава 2. Запертая комната	32
Глава 3. Первое имя	44
Глава 4. Подкаст	59
Глава 5. Засада	71
Глава 6. Линия	84
Глава 7. Монета	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Ольга Ефимова

Архивариус

Глава 1. Стекланный шкаф

1912 год

Ноябрь 1912 года выдался в губернском городе Крестовоздвиженске на редкость промозглым. Сырость поднималась от реки, заползала в переулки, оседала на чугунных оградах и воротных петлях, и даже каменные дома, казалось, насквозь пропитались запахом мокрой штукатурки и дыма.

Судебный следователь Савелий Матвеевич Штерн, сорока двух лет, в тёмном пальто с приподнятым воротником, вышел из пролётки на углу Гончарной и Малой Садовой. Кучер, старик с обветренным лицом, перекрестился мелко и быстро, как делают люди, которым предстоит ждать у места чужой беды.

— К одиннадцати приеду, — сказал Штерн, расплачиваясь. — Не раньше. Ступай.

Он не любил, когда извозчики ждали. Это создавало суету, а суета мешала думать. А думать здесь было о чём.

Лавка антиквара Гурвича занимала первый этаж двухэтажного дома с облупившейся лепниной. Вывеска — «Антиквариатъ. Скупка и продажа древностей» — скрипела на

ветру, и буква «ъ» в конце слова давно отвалилась, оставив только тёмный след на жести. Городовой, стоявший у входа, вытянулся при виде Штерна.

— Внутри кто? — спросил следователь.

— Околоточный надзиратель, ваше высокоблагородие. И доктор Авербах. И приказчик, который тело нашёл.

Штерн кивнул и толкнул дверь.

Колокольчик над входом звякнул — тонко, надтреснуто. Внутри пахло пылью, старой кожей, воском и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым, что Штерн узнал сразу. Запах смерти. Он всегда одинаков, сколько бы лет ни прошло, в каком бы веке ни случилось преступление. Запах смерти не меняется.

Лавка была узкая, длинная, как пенал. По стенам — витрины со стеклянными шкафами, в которых тускло поблёскивали серебро, фарфор, бронзовые подсвечники, старинные монеты под стеклом, часы с остановившимися стрелками. Где-то в глубине, за прилавком, горела керосиновая лампа, и её жёлтый свет выхватывал из темноты лица: околоточного, доктора и молодого человека с трясущимися руками — приказчика.

Тело лежало за прилавком, на полу, лицом вверх.

Абрам Гурвич, пятьдесят три года, антиквар. Штерн знал его в лицо — видел на улице, здоровался. Немолодой, грузный, с окладистой бородой с проседью. Сейчас борода была всклокочена, а глаза открыты и смотрели в потолок с вы-

ражением, которое Штерн видел десятки раз: удивление. Не страх, не боль — именно удивление. Так смотрят люди, чьих смерть застала врасплох.

— Что говорят? — спросил Штерн, снимая пальто и вешая его на крюк у двери.

Доктор Авербах, маленький, лысый, с аккуратной бородкой, пожал плечами:

— Отравление, Савелий Матвеевич. Яд, судя по всему, растительного происхождения. Точнее скажу после вскрытия, но... — Он запнулся.

— Но?

— Но, судя по цвету лица и запаху, это не что-то из аптеки. Это... что-то старинное. Я бы сказал — из тех составов, которые описываются в травниках. Средневековых.

Штерн присел на корточки. Осмотрел руки Гурвича — без следов борьбы. Одежда — в порядке. Ничего не разбросано. Только на груди, чуть ниже ключиц, лежала монета.

Серебряная. Старая. Штерн наклонился ближе, не касаясь.

— Монета при нём была? — спросил он у приказчика.

Молодой человек, которого звали, кажется, Мотя, затряс головой:

— Нет, ваше высокоблагородие. Не было. Он её не носил. Он её... он её в шкафу держал. В стеклянном. Под замком.

Штерн поднял глаза.

— В каком шкафу?

Мотя показал дрожащим пальцем. В дальнем углу лавки, за прилавком, стоял стеклянный шкаф — небольшой, на резных ножках, с латунными замками. Дверца была приоткрыта. Внутри, на бархатной подушке, лежала пустая выемка — точно по размеру монеты.

Штерн подошёл к шкафу. Осмотрел замок — цел, не взломан. Дверца открыта ключом. Ключ торчал в замочной скважине.

— Ключ у кого был?

— У Абрама Соломоновича, — всхлипнул Мотя. — Только у него. Он никому не давал. Он эту монету... он её никому не показывал даже. Говорил, что она проклятая.

— Проклятая? — Штерн повернулся к приказчику. — Почему проклятая?

— Он не говорил. Только... — Мотя замялся. — Только когда он её доставал, у него руки тряслись. И он всегда после этого пил. Валерьянку. Или водку. Смотри по времени суток.

Штерн снова посмотрел на монету на груди убитого. Серебро потемнело от времени, но профиль на аверсе угадывался. Он не был специалистом по нумизматике, но кое-что знал. Это была не русская монета. И не античная. Что-то восточное. Арабское, персидское — он не мог сказать точно.

— Кто нашёл тело? — спросил он.

— Я, — Мотя снова всхлипнул. — Я утром пришёл, в восемь. Дверь была заперта. Я своим ключом открыл. А он... он уже тут лежал.

— Дверь была заперта снаружи?

— Да. На два оборота. И ещё цепочка.

Штерн подошёл к входной двери. Осмотрел замок — цел. Цепочка — на месте. Никаких следов взлома. Окна — забранные решёткой, целые. Задняя дверь — заперта изнутри на засов.

Комната, запертая изнутри. Человек, отравленный неизвестным ядом. Монета, которую он никому не показывал, — на его груди. И стеклянный шкаф, открытый ключом, который был только у него.

Штерн достал записную книжку и карандаш. Записал: «Запертая комната. Яд неизвестен. Монета — восточная, серебро. Шкаф открыт ключом убитого. Мотив — неясен. Подозреваемые —?»

Он посмотрел на приказчика. Мотя был бледен, руки дрожали, но в глазах — не только страх. Что-то ещё. Что-то похожее на... вину? Или на знание?

— Мотя, — сказал Штерн мягко. — Ты знаешь, что это за монета?

Мотя сглотнул.

— Нет, ваше высокоблагородие. Не знаю.

— А кто знает?

Мотя молчал. Потом сказал тихо:

— Он... он говорил, что есть человек. В городе. Который всё знает про эту монету. Но он не называл имя.

— А как он его называл?

— Он называл его... — Мотя запнулся. — Он называл его «Корректор».

Штерн замер. Слово повисло в воздухе, как капля воды на кончике листа, — готовая упасть.

— Корректор, — повторил он. — Что это значит?

— Не знаю, ваше высокоблагородие. Он только раз это сказал. Пьяный был. Я не придал значения.

Штерн закрыл записную книжку. Он подошёл к телу ещё раз, не в силах отвести взгляд. Наклонившись, он осторожно взял монету — двумя пальцами, за ребро.

Монета оказалась холодной и неожиданно тяжёлой. На одной её стороне виднелся профиль человека в чалме. На другой стороне шла непонятная вязь — Штерн не мог её прочесть. По краю монеты шла мелкая гравировка — она явно была добавлена позже. Это не было частью оригинального рисунка.

Прищурившись, Штерн попытался разобрать буквы. Ему удалось уловить лишь одно слово: «ПОМНИ».

Он положил монету в карман. Никто не видел. Доктор отвлёкся на приказчика, околоточный писал протокол у окна. Штерн не знал, зачем он это делает. Просто чувствовал, что монету нельзя оставлять здесь. Что она — ключ. И что если её увидят другие, будет хуже.

Он вышел на улицу. Дождь усилился. Кучер всё ещё ждал — не уехал. Штерн сел в пролётку, назвал адрес. И всю дорогу до управы держал руку в кармане, сжимая холодный

металл.

Он не знал тогда, что эта монета будет сниться ему до конца жизни. И что через сто лет его праправнук будет держать её в руках — так же, как он сейчас.

Наши дни

Ночь в городском архиве пахла бумагой, пылью и электричеством.

Виктор Штерн, тридцати пяти лет, в сером свитере с растянутыми локтями и старых джинсах, сидел за длинным столом в подвальном хранилище. На столе горела одна лампа — настольная, с зелёным абажуром, — и её свет выхватывал из темноты только небольшой островок: раскрытую папку, стопку описей, чашку с остывшим чаем и тонкие пальцы Виктора, перебиравшие пожелтевшие листы.

Он работал здесь по ночам. Всегда по ночам. Днём архив был полон людей — студентов, краеведов, сотрудников, — и Виктор не выносил их. Не выносил вопросов, взглядов, шума. Ночь была его временем. Ночь была временем архивариса.

Он был официально оформлен как «младший научный сотрудник отдела дореволюционных фондов», но по сути выполнял работу, которую не любил никто: опись, систематизацию, каталогизацию. Он проводил в подвале по двенадцать часов, а иногда и больше. Коллеги считали его чудаком. Начальство — терпело, потому что он делал то, что другие не хотели. А Виктор просто... жил здесь. Среди бумаг и про-

шлого.

Он не любил настоящее. Настоящее было шумным, быстрым, требовательным. Прошлое было тихим оно молчало, но в этом молчании было больше смысла, чем в тысячах современных разговоров.

Виктор перевернул очередной лист. Это была опись имущества, изъятого при обыске в 1912 году. Дело № 1473. «Об убийстве антиквара Гурвича А.С.» Он знал это дело наизусть. Знал каждую страницу, каждую подпись, каждую пометку на полях. И всё равно возвращался к нему снова и снова.

Потому что это было первое дело его прапрадеда.

Савелий Матвеевич Штерн. Судебный следователь. Человек, чей портрет — выцветший, в овальной рамке, — висел в квартире Виктора над письменным столом. Человек, чьи записные книжки Виктор хранил в специальном ящике, завёрнутые в архивную бумагу. Человек, с которого началась семейная легенда — или семейное проклятие, смотря как смотреть.

Виктор отложил лист и посмотрел часы было уже половина третьего. Он потёр глаза, откинулся на спинку стула. За стеной, в темноте хранилища, что-то скрипнуло. Обычный звук. Старое здание, деревянные стеллажи, перепады температуры. Виктор привык и уже не вздрагивал.

Он встал, подошёл к стеллажу в дальнем углу. Здесь хранились папки с делами, которые он вёл сам, — точнее, те,

которые он собирал. Личная коллекция, но никто о ней не знал.

Виктор достал одну из папок. На корешке — аккуратная надпись его почерком: «Зеркальные дела». Он открыл её, а Внутри — там было много карточек. Преступления, совершённые в разные эпохи и местах, объединяли одинаковые детали, способы исполнения и мотивы. Виктор называл это «теорией цикличности». Он сформулировал её, когда ему было двадцать пять. Тогда он ещё преподавал — в университете, на кафедре истории. Студенты его любили, коллеги — не очень. Он был странно увлечён этой идеей и буквально одержим ею. Он говорил им: история не повторяется, но преступления — да. Преступления, которые остались нераскрытыми, которые были замолчаны, которые были совершены безнаказанно, — они возвращаются. Не метафорически, но буквально. Спустя десятилетия, а иногда и столетия. Детали повторялись, мотивы оставались неизменными, а жертвы следовали одному и тому же шаблону.

Студенты слушали с интересом. Коллеги крутили пальцем у виска. А потом случилось то, что случилось, и Виктор ушёл из университета. Ушёл сам и не дожидаясь, пока его попросят.

Виктор вернулся к стеллажу и открыл папку с делом № 1473.

Из неё он вынул карточку с описанием преступления.

На ней значилось: «Убийство антиквара Гурвича А. С.,

1912 год. Отравление неизвестным ядом, запертая комната, монета на груди. Мотив не установлен, виновный не найден».

В примечании говорилось, что дело вёл его прапрадед, который подозревал «Корректора», но так и не смог его поймать.

Виктор знал это дело наизусть, но при каждом прочтении у него сжималось горло.

Он был уверен: прапрадед скрыл что-то важное — то, чего не было в официальных бумагах.

Виктор вернулся к столу и сел.

Он открыл старый потрёпанный ноутбук — на крышке виднелась наклейка.

Экран загорелся и осветил его лицо: бледное, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами.

Виктор редко спал больше четырёх часов — ему всё время казалось, что он упускает что-то важное.

Он верил: ответ спрятан где-то в архивах, старых газетах или пожелтевших документах, и боялся, что, если заснёт, этот ответ исчезнет. Он открыл новостной сайт и пробежал глазами заголовки. Там было политика, экономика, спорт. Всё то, что его не интересовало. Потом — криминальная хроника. И замер.

«В центре города убит антиквар. Тело обнаружено в запертой лавке. Причина смерти — отравление. Возбуждено уголовное дело».

Виктор несколько раз перечитал текст, то закрывая, то снова открывая ноутбук, а затем встал и подошёл к папке с «Зеркальными делами».

Достав чистую карточку, он начал записывать свои мысли. «2021 г. Антиквар Ланской М. А. был убит — его отравили неизвестным ядом.

Лавка оказалась запертой, а мотив преступления так и не удалось установить.

Виновного не нашли, и дело осталось нераскрытым.

В примечании отмечено полное совпадение с делом № 1473 — степень совпадения составила 100 %. Он смотрел на карточку и руки дрожали. Он знал, что это значит, что цикл начался снова. Знал, что где-то в городе — или в чьей-то голове — живёт тот, кто решил повторить прошлое.

Виктор вернулся к столу. Открыл старую записную книжку прапрадеда — одну из тех, что хранил в ящике и нашёл запись от 14 ноября 1912 года. «Гурвич. Монета. „Корректор“. Ничего не понимаю. Но чувствую: это только начало».

Виктор закрыл книжку и поднял взгляд на стену.

Перед ним висел портрет Савелия — тот смотрел строго и чуть устало, словно знал куда больше, чем когда-либо собирался рассказать.

— Что ты скрыл? — прошептал Виктор. — Что не попало в записи?

Ответом ему была лишь тишина архива, приправленная пылью и ночной тишиной.

До самого утра он не отходил от стола: снова и снова перечитывал дело № 1473, сверял его с вырезками из новостей, выстраивал хронологию событий.

Он отчаянно искал связь между 1912 и 2021 годом, но каждый раз натывался на пустоту.

В шесть утра Виктор встал, чтобы налить себе чаю, и пошёл к электрочайнику в углу.

Он нажал кнопку — и в тот же миг свет погас, погрузив комнату во тьму. Виктор замер, прислушиваясь к внезапной тишине.

В архиве было темно — хоть глаз выколи, ни лучика света. Лишь вдалеке, на лестнице, тускло горел аварийный фонарь. Виктор пытался убедить себя, что это просто перегрузка сети: старое здание, изношенная проводка.

Но внутри всё сжималось от ощущения, что дело не в электричестве — что-то было не так, неправильно.

Он вернулся к столу и на ощупь нашёл настольную лампу. Нажал на выключатель — ничего, лампа не подавала признаков жизни. Тогда он достал телефон и включил фонарик: узкий луч выхватил из темноты стол, разбросанные бумаги и одинокую чашку. И монету.

Она лежала на столе. Серебряная. Старая. Та самая. Виктор узнал бы её из тысячи. Он видел её фотографию в деле № 1473. Видел её описание в записной книжке прапрадеда. Видел её — сотни раз — в своих снах.

Монета лежала на столе. Хотя минуту назад её здесь не

было.

Виктор подошёл ближе и луч фонарика дрожал. Он протянул руку и коснулся металла — тот оказался холодным и тяжёлым.

Перевернув монету, он разглядел на одной стороне профиль человека в чалме, а на другой — непонятную вязь.

По краю монеты шла гравировка — русские буквы, едва заметные в тусклом свете. Одно слово.

«ПОМНИ».

Виктор сжал монету в кулаке и сердце колотилось. В темноте архива, среди пыли и бумаг, он стоял — и чувствовал, как прошлое смотрит на него. Как оно протягивает ему руку. Как оно говорит: «Ты — следующий».

Он не знал, кто оставил монету. Не знал, как она попала сюда. Не знал, что это значит, но он знал одно: его теория верна. Цикл начался. И он, Виктор Штерн, праправнук Савелия Штерна, — в центре этого цикла.

Он разжал кулак. Посмотрел на монету. Потом — на портрет прапрадеда. Потом — в темноту.

— Я найду тебя, — сказал он тихо. — Кто бы ты ни был.

Свет мигнул — и снова загорелся. Архив вернулся к жизни: загудел холодильник, замигала лампа, зашумел компьютер. Виктор стоял, не двигаясь. Монета лежала на его ладони была холодная, тяжёлая и настоящая.

Он положил монету в карман, ощутив её тяжесть даже сквозь ткань.

Потом сел за стол, будто цепляясь за привычное движение.

Открыл папку с «Зеркальными делами» — кожаная обложка чуть скрипнула.

Достал чистую карточку, провёл пальцами по гладкой поверхности.

И начал писать ровным, чётким почерком: «Монета. Серебро. Восточная. Гравировка: „ПОМНИ“. Появилась в архиве 15 сентября 2021 года. Связана с делом № 1473. Связана со мной. Кто оставил — неизвестно. Зачем — неизвестно. Но это — начало».

Закончив, он аккуратно закрыл папку, словно пряча тайну под обложкой.

Взглянул на часы — стрелки показывали половину седьмого утра.

Пора было уходить: скоро придут сотрудники, начнётся суэта будней.

Виктор знал: этот день не будет похож на остальные, всё теперь пойдёт по-другому.

Он надел пальто, чувствуя, как ткань ложится на плечи привычной тяжестью.

Взял сумку, машинально проверил, на месте ли ключи. Он надел пальто. Взял сумку. Вышел из архива. Поднялся по лестнице. Открыл дверь на улицу.

Вышел из архива, оставив позади тишину и запах старой бумаги.

Поднялся по лестнице и распахнул дверь, впуская в лицо сырой утренний воздух.

Город просыпался неохотно, серый дождь тихо моросил, размывая очертания домов и машин.

Сжав в кармане монету, Виктор тихо произнёс: «Я найду тебя. Я найду».

Утро выдалось серым — небо будто застыло в тяжёлой неподвижности.

Мелкий дождь неторопливо моросил, размывая контуры домов и тротуаров.

Город просыпался медленно, словно нехотя стряхивая с себя остатки ночи.

Виктор стоял на крыльце, вглядываясь в привычную утреннюю суету.

Он опустил руку в карман, нащупал монету и крепко сжал её в ладони.

«Я найду тебя, — тихо повторил он, будто давая самому себе клятву. — Я найду».

И, глубоко вдохнув сырой воздух, шагнул в серое утро.

В это же время Вера Одинцова приехала на место преступления: было ровно семь сорок утра. Она не выпалась, не успела позавтракать и оттого злилась — не на кого-то конкретно, а на весь мир, на самую необходимость разбираться в чужих трагедиях, на то, что убийства случаются так несправедливо рано.

Лавка антиквара Ланского находилась в старом районе, на

улице, которую она никогда не любила. Узкая, кривая, с домами, которые помнили ещё позапрошлый век. Вера припарковалась у тротуара, вышла из машины. Дождь уже кончился, но воздух был сырой, тяжёлый.

У входа стоял полицейский. Вера кивнула ему, показала удостоверение. Вошла.

Внутри пахло пылью и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным. Вера поморщилась и она знала этот запах. Смерть. Она видела её десятки раз. Но каждый раз — как в первый.

Тело лежало за прилавком. Мужчина, лет пятидесяти, грузный, с седой бородой. Глаза открыты, а на груди — монета.

Вера присела. Осмотрела тело. Никаких следов борьбы. Никаких ран. Только монета — серебряная, старая, с профилем человека в чалме.

— Что у нас? — спросила она, не оборачиваясь.

Костя, криминалист, молодой парень с вечно взлохмаченными волосами, подошёл ближе.

— Отравление, — сказал он. — Яд растительного происхождения. Точнее — после экспертизы. Но, судя по всему, что-то старинное. Не из аптеки.

— Старинное?

— Ну, такое... из травников. Средневековое. Я не специалист, но...

Вера кивнула. Она не слушала. Она смотрела на монету.

— Дверь?

— Заперта снаружи на два оборота и еще цепочка. Окна

— целые. Задняя дверь — заперта изнутри. Комната, запертая изнутри. Классика.

Вера вздохнула. Она не любила «классику». Классика означала, что всё сложно. Что убийца — не просто убийца. Что за этим что-то стоит. Что-то, чего она не понимает.

— Свидетели?

— Приказчик. Молодой парень. Нашёл тело утром. Говорит, дверь была заперта. Он открыл своим ключом.

— Где он?

— В машине. Плачет.

Вера вышла на улицу. Приказчик сидел в полицейской машине — молодой, бледный, с красными глазами. Вера открыла дверь, села рядом.

— Как тебя зовут?

— Мотя. Матвей.

— Матвей, — сказала Вера мягко. — Расскажи мне, что случилось.

Мотя рассказал. Всё то же самое: пришёл утром, дверь заперта, открыл, нашёл тело. Ничего нового. Вера уже собиралась уходить, когда он сказал:

— Он... он говорил про монету.

Вера замерла.

— Что говорил?

— Что она проклятая. Что он её никому не показывал.

Что... — Мотя запнулся. — Что есть человек в городе и который всё знает про эту монету. Он называл его... Корректор.

Вера нахмурилась.

— Корректор?

— Да. Он так сказал. Один раз. Пьяный был. Я не придал значения. А теперь...

Мотя замолчал. Вера смотрела на него. Потом достала блокнот, записала: «Корректор. Монета. Проверить».

Она вышла из машины и медленно оглядела лавку, улицу и город, который жил своей привычной жизнью.

Никто не знал, что где-то в тени прячется убийца — тот, кто знает про монеты и называет себя Корректором. Вера достала телефон. Набрала номер.

— Громов? Это Одинцова, — проговорила она, стараясь унять дрожь в голосе.

— У нас тут странное дело: антиквар, отравление, запертая лавка...

— И ещё монета, — добавила Вера, будто сама не верила в то, что произносит.

— Старая, серебряная, с профилем — выглядит будто из другого времени.

— А свидетель твердит про какого-то Корректора... Да, я и сама ничего не понимаю.

— Но что-то подсказывает мне: это только начало.

Она положила трубку. Посмотрела на небо — серое, тяжёлое. Потом на лавку. Потом на монету, которая лежала на

груди убитого.

Она не знала, что через несколько часов познакомится с человеком, который перевернёт её представление о прошлом. Человеком, который скажет ей: «Это повторение. Это уже было. Сто лет назад».

Она не знала. Но что-то — какое-то шестое чувство, какая-то интуиция — говорило ей: это дело не будет обычным. Это дело — начало чего-то большего. Чего-то, что она не могла понять. Но что уже началось.

Она села в машину быстро завела двигатель и поехала — в управу. Готовиться к расследованию, которое, она чувствовала, будет долгим.

Картотека

Виктор вернулся домой в восемь утра. Квартира была маленькая — одна комната, кухня, ванная. Но книг было много. Очень много. Они стояли на полках, лежали на столе, на полу, на подоконнике. История, археология, нумизматика, криминалистика. И — картотека.

Она занимала всю стену. Деревянные ящики, в каждом — карточки. Сотни, тысячи карточек. Виктор собирал их годами. Записывал каждое преступление, которое казалось ему «зеркальным». Каждое совпадение и отдельную деталь, которая повторялась.

Он сел за стол и достал монету, он положил её перед собой.

Монета была старая и серебро потемнело, но профиль уга-

дывался. Человек в чалме это восточный правитель. Виктор не был нумизматом, но кое-что знал. Он достал лупу и прищурился, там на краю монеты — гравировка. Мелкая, но очень аккуратная. Русские буквы. Слово «ПОМНИ».

Он отложил лупу и открыл ноутбук быстренько зашёл в базу данных.

Восточные монеты. Серебро. Профиль в чалме. Он искал час. Два. Ничего. Потом — нашёл. Похожая монета. Персия. XVIII век. Но гравировка... гравировка была не персидская. Она была русская. И сделана позже. Намного позже.

Виктор откинулся на спинку стула. Закрыв глаза и задумался.

Монета. Убийство. Корректор. Прапрадед. Дело № 1473. Всё это было связано. Но как? Почему? Зачем?

Он встал и подошёл к картотеке. Открыл ящик с надписью «1912». Достал карточку. «Убийство антиквара Гурвича» и прочитал несколько раз.

И вдруг понял. Он смотрел на карточку — и видел не текст. В голове Виктора складывалась единая картина: убийство Гурвича, монета, Корректор, история прапрадеда — всё сплеталось в неразрывную цепь.

Эта цепь тянулась сквозь столетие, прочно связывая прошлое и настоящее. Он вернулся к столу и открыл папку с «Зеркальными делами». Достал чистую карточку и стал записывать.

«Цепь событий: в 1912 году — убийство Гурвича, моне-

та, фигура Корректора; в 2021-м — убийство Ланского, снова монета и тот же Корректор. Совпадение стопроцентное. Значит, цикл повторяется. Нужно отыскать связующее звено, выйти на Корректора и остановить эту цепочку». Он закрыл папку. Посмотрел на монету. Потом — на портрет прапрадеда. Савелий смотрел на него. Строго. Устало. Как будто знал что-то, чего не знал Виктор.

— Что ты скрыл? — прошептал Виктор. — Что ты не написал? Что ты боялся?

Ответа не было. Только тишина. Только пыль. Только утро, которое вползало в окно — серое, тяжёлое.

Виктор встал, подошёл к окну и посмотрел на улицу: люди спешили на работу, машины плавно текли по дороге — жизнь шла своим чередом.

Но он знал: для него всё уже изменилось — и это изменение было навсегда..

Он вернулся к столу. Взял монету он сжал в кулаке и начал ждать.

Он не знал, чего ждать — звонка, письма или, быть может, новой монеты.

Но был уверен: это произойдёт скоро — цикл уже запущен, и остановить его невозможно, остаётся лишь пройти путь до конца. Он просидел так час. Два. Три. Смотрел в стену. Думал. Вспоминал.

Вспоминал бабушку. Как она рассказывала ему про прапрадеда. Как говорила: «Он был хороший человек. Но у него

была тайна. Тайна, которая его сломала».

Он вспоминал университетские годы — лекции, которые когда-то читал с такой уверенностью.

В памяти всплывали взгляды студентов — то заинтересованные, то полные недоверия, а порой и жалости; шёпот коллег за спиной, от которого становилось горько.

Он отчётливо помнил день, когда ушёл, и ту клятву, что дал себе в тот момент.

«Я докажу. Я найду правду. Я покажу, что история — не просто даты: это жизнь, смерть и преступления, которые повторяются снова и снова». Вспоминал день, когда нашёл первую «зеркальную» пару. Два убийства. Одно — в 1897 году. Другое — в 1997. Те же детали. Тот же мотив и этот же способ. Тогда он понял: это не совпадение. Это закономерность. Это — цикл.

Он открыл глаза. Посмотрел на монету. Потом — на часы. Полдень. Пора было что-то делать. Но что?

Он никогда не знал, как поступить, — и потому просто двигался вперёд, шаг за шагом.

Собирал разрозненные факты, сплетал их в хрупкие теории, пытался найти логику там, где её, казалось, не было.

И всё время ждал — с затаённой тревогой, почти с обречённостью.

Ждал, когда прошлое вновь напомнит о себе, тихо постучав в дверь. И оно постучало. В половине первого дня раздался звонок телефона.

Виктор взглянул на экран — номер был незнакомым — и ответил. — Виктор Штерн? — Голос был женский. Резкий. Усталый. — Меня зовут Вера Одинцова. Я следователь. Мне нужно с вами поговорить.

Виктор замер. Следователь. Значит, всё началось. Значит, прошлое уже здесь.

— О чём? — спросил он.

— О монете, — сказала она. — О деле 1912 года. О том, что вы называете «зеркальными делами».

Виктор молчал, не отрывая взгляда от монеты, портрета прапрадеда и старой картотеки — в этих вещах сплетались нити его судьбы.

Это была его жизнь, его тайна и одновременно тяжёлое проклятие, от которого не скрыться. — Где вы? — спросил он.

— В управе. Приезжайте.

— Я не выхожу из дома.

Пауза. Потом:

— Тогда я приеду к вам. Диктуйте адрес.

Виктор продиктовал и положил трубку. Он посмотрел на монету и сжал её в кулаке.

— Ну вот, — сказал он тихо. — Ты пришла. Я знал, что ты придёшь.

Он встал, убрал монету в карман и подошёл к окну, чтобы взглянуть на улицу.

Дождь уже кончился, и небо понемногу прояснялось, от-

крывая бледную полосу горизонта.

Где-то там — за домами, за рекой, за самой чертой мира — прошлое неотрывно смотрело на него и терпеливо ждало. Виктор закрыл глаза и начал ждать.

Вера приехала через час. Виктор ждал её у двери. Она поднялась быстро и уверенно. Женщина лет тридцати. Тёмные волосы, собранные в хвост. Серые глаза. Усталое лицо. Она посмотрела на него — оценивающе, чуть недоверчиво.

— Штерн?

— Да. Входите.

Она вошла. Осмотрелась. Увидела книги. Картотеку. Портрет на стене. Подошла ближе.

— Это он? Ваш прапрадед?

— Да. Савелий Штерн. Судебный следователь. Он вёл дело 1912 года.

Вера кивнула. Повернулась к нему.

— Расскажите мне всё.

Виктор сел за стол. Показал ей папку. Дело № 1473. Фотографии. Записи. Карточки.

— Это дело об убийстве антиквара Гурвича в 1912 году, — сказал он, будто заново проживая каждую деталь.

Отравление, запёртая лавка, монета на груди жертвы — всё указывало на тщательно продуманный ритуал, но виновного так и не нашли.

В итоге дело закрыли, оставив тайну висеть в воздухе, словно незажившую рану.

Вера слушала. Смотрела на фотографии. На записи. На карточки.

— И вы думаете, что сегодняшнее убийство — повторение?

— Я не просто думаю — я знаю наверняка: детали совпадают до мелочей, тот же способ, та же монета, — проговорил он твёрдо.

Это не случайность, а замкнутый цикл: он уже повторялся прежде и неизбежно повторится снова. Вера молчала. Потом сказала:

— Вы понимаете, как это звучит?

— Понимаю. Но это правда.

Она вздохнула. Села напротив. Посмотрела на него — внимательно, серьёзно.

— Хорошо. Допустим. Что дальше?

Виктор достал монету и положил на стол. Вера посмотрела на неё. Потом — на него.

— Это та самая?

— Да, она появилась у меня сегодня ночью в архиве, — проговорила Вера, будто всё ещё не веря в случившееся.

— Понятия не имею, как она там оказалась, но теперь она здесь.

Вера взяла монету, медленно повертела её в пальцах и вгляделась в тонкую гравировку.

— «Помни», — тихо прочитала она, подняв на Виктора растерянный взгляд. — Что это может значить?

— Не знаю, — ответил он, задумчиво нахмурившись, — но, думаю, это ключ к разгадке.— Кто такой Корректор?

Виктор вздрогнул.

— Откуда вы знаете?

— Свидетель сказал. Приказчик. Он слышал, как Ланской говорил о каком-то Корректоре.

Виктор молчал. Потом сказал:

— Мой прапрадед тоже искал Корректора. В 1912 году. Он упоминал его в записных книжках. Но так и не нашёл.

— Кто это?

— Не знаю. Но думаю, это тот, кто убивает. Тот, кто повторяет преступления. Тот, кто вершит «суд истории».

Вера смотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Вы поможете мне?

Виктор кивнул.

— Помогу. Но у меня есть условие.

— Какое?

— Вы не будете мне мешать, я работаю по-своему. Я вижу то, чего не видят другие. Если вы сможете это принять — мы сработаемся.

Вера усмехнулась.

— Договорились.

Она встала. Подошла к двери. Обернулась.

— Завтра в девять. В управе. Принесёте все материалы.

— Хорошо.

Она вышла. Виктор остался один. Посмотрел на монету.

На портрет прапрадеда. На картотеку.

— Ну вот, — сказал он тихо. — Началось.

Он сел за стол. Открыл папку. Достал чистую карточку. Начал писать.

«Вера Одинцова — следователь. Сегодня она пришла и расспрашивала про монету и Корректора. Я всё рассказал. Не знаю, поверила ли она на самом деле или просто сделала вид — сейчас это не имеет значения. Главное в другом: Вера — часть этого цикла, такое же звено, как и я, как и все мы». Он закрыл папку. Посмотрел на часы. Уже был вечер и слишком много мыслей, а вопросов было больше.

Он поднялся, подошёл к окну и взгляделся в уличную темноту.

Фонари тускло горели, прохожие спешили по своим делам — жизнь текла своим чередом, будто ничего не менялось.

А где-то там, в густой тени, скрытой от света, кто-то неотрывно следил за ним, выжидая момента, чтобы сделать следующий шаг. Виктор закрыл глаза. Сжал монету. И прошептал:

— Я найду тебя. Кто бы ты ни был. Я найду.

Он открыл глаза и посмотрел на своё отражение в стекле. На его лице читалась усталость — тёмные круги под глазами и упрямый изгиб подбородка выдавали напряжение.

Он понимал: это лишь начало, цикл уже пришёл в движение, и остановить его теперь невозможно.

Он вернулся к столу и открыл записную книжку прапра-

деда. Нашёл запись от 15 ноября 1912 года.

«Сегодня понял: это не просто убийство. Это — послание и кто-то говорит со мной. Через монету или за счет прошлого. Я не знаю, кто. Но я найду. Даже если это последнее, что я сделаю».

Виктор закрыл книжку. Посмотрел на монету. На портрет. На тьму за окном.

— Я найду, — повторил он. — Я найду.

И в этот момент — где-то в городе, в тёмной комнате, за столом, заваленным старыми бумагами, — человек в очках с толстыми линзами смотрел на экран компьютера. На экране была фотография Виктора Штерна. И подпись: «Праправнук. Начал копать. Пора действовать».

Человек улыбнулся. Медленно. Холодно. Он взял ручку. Написал на листе бумаги: «Монета. Архив. Вера». И добавил: «Цикл продолжается».

Он откинулся на спинку стула. Посмотрел в окно. На город. На ночь. На прошлое, которое никогда не умирает.

— Помни, — прошептал он. — Всегда помни.

И выключил свет.

Глава 2. Запертая комната

Вера вернулась домой в половине двенадцатого. Квартира встретила её тишиной и запахом старой мебели — она снимала эту «двушку» уже пять лет и всё не собиралась делать ремонт: обои кое-где отходили, на кухне подтекал кран, а стены были выкрашены в бледно-серый, словно кто-то специально выбрал самый унылый оттенок из всех возможных.

Она сбросила куртку на кресло, прошла на кухню, налила воды и выпила залпом, потом ещё стакан — горло пересохло то ли от усталости, то ли от разговора с Виктором Штерном, который всё ещё не укладывался у неё в голове. Этот странный, нелюдимый человек с глазами, смотрящими сквозь тебя, говорил вещи, которым в обычной жизни не нашлось бы места. «Зеркальные дела». «Цикл». «Повторение». Слова, которые сами по себе ничего не значили, но в его устах звучали как приговор.

Вера села за стол, открыла ноутбук, ввела в базу данных: «Штерн Виктор Савельевич». Результатов было мало: бывший преподаватель, кандидат исторических наук, уволен по собственному желанию, место работы — городской архив. Ни приводов, ни нарушений, ни долгов. Человек-призрак, будто его специально стёрли из всех реестров, оставив лишь тонкий след, достаточный для того, чтобы понимать что он существует.

Она закрыла ноутбук, посмотрела на часы: половина первого. Спать не хотелось, и она знала, что не заснёт — слишком много мыслей, слишком много вопросов, на которые пока не было ответов. Вера подошла к окну, посмотрела на город: тёмные дома, редкие жёлтые окна, медленно ползущие по мокрому асфальту машины. Она любила это время, когда всё замирает и можно подумать.

Она думала о Штерне — о его глазах, о том, как он смотрел на монету, как сжимал её в кулаке, как сказал: «Я найду тебя». Кого он хотел найти? Корректора? Или что-то другое, что-то, что жило внутри него самого? Вера не верила в мистику, не верила в совпадения, но что-то в этом деле не укладывалось в привычную схему. Убийство в запертой комнате. Отравление неизвестным ядом. Монета на груди. И свидетель, который говорит про какого-то Корректора.

Она достала блокнот и записала: «Проверить: 1) Дело 1912 г. — убийство Гурвича. 2) Монета — нумизматика. 3) Корректор — кто это? 4) Штерн — связи, прошлое». Закрыла блокнот, вздохнула. Пора было спать. Завтра — тяжёлый день.

Вера приехала в управу в восемь утра. Здание было старой, дореволюционной постройки — с высокими потолками, лепниной и вечным запахом пыли, который не выветривался даже после ремонта. Она поднялась на второй этаж, прошла по коридору, открыла дверь своего кабинета: стол, стул, шкаф с документами, компьютер, на столе — вчерашние бу-

маги по делу Ланского.

Она села, открыла папку и начала читать. Протокол осмотра места происшествия, показания свидетеля, фотографии, отчёт криминалиста — всё стандартно. Кроме одного. Кроме монеты.

Вера достала фотографию, увеличила. Серебро, профиль человека в чалме, что-то восточное. Она не была нумизматом, но понимала: это не простая монета — слишком старая, слишком чужая, будто попавшая сюда из другого времени.

Она отложила фото, взяла телефон и позвонила криминалисту.

— Костя? Это Вера. Ты выяснил что-нибудь по монете?

— Привет, — голос был сонным. — Нет ещё. Она странная: серебро, но состав какой-то необычный. И гравировка — русские буквы, «Помни». Кто-то добавил их позже, уже в наше время. Скорее всего, конец двадцатого века или начало двадцать первого.

Вера нахмурилась. Кто-то добавил гравировку. Кто-то, кто хотел, чтобы на монете было написано «Помни». Зачем?

— А что с отравлением?

— Яд растительного происхождения. Что-то из старых травников. Я отправил образцы в лабораторию, но, честно говоря, не уверен, что они определяют точно. Это не из аптеки. Это что-то из прошлого.

Вера поблагодарила, положила трубку и посмотрела на часы: девять утра, Штерн должен был приехать. Она ждала.

Прошло десять минут, двадцать, половина десятого — его не было. Она начала злиться, потому что не терпела опозданий, позвонила — телефон не отвечал. Набрала ещё раз — тот же результат.

Она встала, подошла к окну. Дождь моросил, люди шли с зонтами, машины ползли в утренних пробках. Город жил своей жизнью, не подозревая о монетах, Корректорах и зеркальных делах.

Вернувшись к столу, Вера открыла дело снова. Показания Моти, приказчика Ланского: тот говорил, что в последние дни хозяин был нервным, что-то искал, говорил про какую-то монету и про человека, которого называл Корректором. Вера записала: «Корректор. Кто это? Почему Ланской его боялся?» — и посмотрела на часы. Десять.

В дверь постучали.

— Входите.

На пороге стоял Виктор Штерн. В том же сером свитере, с той же сумкой через плечо — усталый, бледный, но с каким-то странным огнём в глазах.

— Извините за опоздание, — сказал он. — Я был в архиве. Кое-что нашёл.

— Проходите. Садитесь.

Он вошёл, сел, достал из сумки папку и положил на стол.

— Это дело 1912 года, — сказал он. — Убийство антиквара Гурвича. Я принёс копии. Всё, что у меня есть.

Вера открыла папку: пожелтевшие листы, старые фотогра-

фии, записи, сделанные от руки аккуратным, но выцветшим почерком. Она перевернула несколько страниц и остановилась.

— Это ваш прапрадед?

— Да. Савелий Штерн. Он вёл это дело.

Вера смотрела на фотографию: мужчина в сюртуке, строгое лицо, усы, глубокий взгляд. Что-то знакомое — может быть, глаза. Такие же, как у Виктора.

— И он не нашёл убийцу?

— Нет. Дело закрыли. Но он продолжал искать. До самой смерти.

Вера отложила фотографию и посмотрела на Виктора.

— Расскажите мне всё. С самого начала.

Виктор кивнул и заговорил тихо, ровно, но в голосе чувствовалось напряжение, будто каждое слово давалось ему с трудом.

— В 1912 году в этом городе произошло убийство. Антиквар Абрам Гурвич был найден мёртвым в своей лавке. Отравление. Запертая комната. Монета на груди. Мотив не установлен, виновный не найден. Мой прапрадед вёл это дело — опытный, умный следователь, — но оно его сломило. Он не смог найти убийцу и при этом знал, что это не просто убийство. Это послание. Кто-то говорил с ним через монету, через смерть, через прошлое.

— Кто?

— Он называл его «Корректор» — в записных книжках,

больше нигде. Он не знал, кто это, но чувствовал: человек, который вершит суд истории, наказывает тех, кто избежал наказания, исправляет прошлое.

Вера нахмурилась.

— Исправляет прошлое?

— Да. Убивая потомков тех, чьи предки были виновны, но избежали суда. Он повторяет преступления — те же детали, такие же мотивы, те самые жертвы, только спустя сто лет.

Вера молчала, глядя на него, а потом прямо сказала:

— Вы понимаете, что это звучит как теория заговора?

— Понимаю. Но это не теория. Это факт. Я собирал данные десять лет и нашёл сотни «зеркальных дел». Преступления, которые повторяются снова и снова, в разных городах, в разных странах, в разные эпохи. Это закономерность. Это цикл.

Вера вздохнула. Часть её — рациональная, следовательно — отвергала всё это. Но другая часть, та, что видела монету, слышала про Корректора, чувствовала странность этого дела, говорила: а может быть, он прав.

— Хорошо, — сказала она. — Допустим. Что дальше?

Виктор достал ещё одну папку, открыл и показал фотографию.

— Это та же монета, что нашли у Ланского. Я видел её вчера в архиве. Она появилась у меня на столе — я не знаю, как. Но она здесь.

Вера взяла снимок, потом посмотрела на Виктора.

— У вас есть монета?

— Да.

— Покажите.

Он замялся, потом достал из кармана монету и положил на стол. Вера взяла её: тяжёлая, холодная, серебро потемнело от времени, профиль человека в чалме, а по краю — гравировка: «Помни».

— Что это значит? — спросила она.

— Не знаю. Но думаю, это ключ ко всему.

Вера положила монету на стол.

— Что вы нашли в архиве?

Виктор открыл папку, достал лист.

— Это опись имущества Гурвича. Среди прочего — монета. Та же самая: восточная, серебро, с гравировкой. В описи указано: «Монета серебряная, восточная, с надписью „Помни“ на ребре. Изъята как вещественное доказательство».

Вера нахмурилась.

— Изъята? Но в деле её нет.

— Именно. Она исчезла из дела, из архива. Кто-то забрал.

— Вы думаете, это сделал Корректор?

— Я думаю, это сделал кто-то, кто знал про монету. Кто-то, кто хотел, чтобы она вернулась. Сто лет спустя.

Вера молчала, глядя на монету, на гравировку, на профиль. Что-то холодное и тяжёлое сжималось в груди. Это было не просто дело. Это было что-то большее, что она пока не

могла понять, но что уже началось.

— Что нам делать? — спросила она.

В его глазах мелькнул странный блеск — смесь азарта и страха.

— Искать. Искать связь между 1912 и 2021, между Гурвичем и Ланским, между монетой и Корректором. Мы должны найти его, пока он не убил снова.

Вера кивнула. Она не знала, верит ли ему, но знала другое: она не может остановиться. Это дело — её дело. И она доведёт его до конца.

— Хорошо. С чего начнём?

Виктор улыбнулся — впервые за всё время, устало, но искренне.

— С архивов. Нам нужно найти всё, что связано с делом 1912 года. Все документы, все показания, все имена. Кто-то из потомков до сих пор жив, и Корректор уже начал охоту.

Вера встала, взяла куртку.

— Тогда идём.

Городской архив занимал старинное здание на набережной — толстые стены, высокие окна, запах бумаги и пыли, который чувствовался ещё на улице. Виктор открыл дверь своим ключом, пропустил Веру вперёд.

— Днём здесь люди, — сказал он. — Но в подвале — моя территория. Туда никто не ходит.

Они спустились по лестнице. Вера осматривалась: стеллажи, коробки, папки — тысячи, миллионы документов, про-

шное, запёртое в бумаге. Виктор подвёл её к своему столу, показал стеллаж с делами 1912 года.

— Здесь всё, — сказал он. — Дело Гурвича, показания свидетелей, протоколы допросов, отчёты экспертов. Всё, что осталось.

Вера открыла папку и начала читать. Показания приказчика, соседей, знакомых Гурвича — ничего необычного, обычные люди, обычные слова.

— Смотрите, — Виктор показал ей лист. — Это список людей, которые проходили по делу. Свидетели, подозреваемые, все, кто имел отношение к Гурвичу.

Вера пробежала глазами: имена, фамилии, ничего знакомого.

— Что я должна искать?

— Совпадения. Фамилии, которые повторяются. Люди, чьи потомки живы до сих пор. Корректор убивает потомков, повторяет преступления. Значит, следующая жертва — кто-то из этого списка.

Вера кивнула и начала читать внимательнее. Имена, даты, адреса — всё было странно знакомым, будто она уже видела это, будто это было частью её жизни. И вдруг она остановилась на одном имени.

— Штерн, — сказала она. — Савелий Штерн. Ваш прапрадед. Он в списке.

— Да. Он вёл дело. Но он не свидетель и не подозреваемый. Он — следователь.

— Но он в списке.

— Потому что был частью этого дела. Частью цикла.

Вера посмотрела на него, потом на список, потом снова на него.

— Вы думаете, Корректор охотится и за вами?

Он помолчал.

— Я думаю, он охотится за всеми, кто связан с этим делом. И я — один из них.

Вера хотела что-то сказать, но в этот момент свет мигнул, погас на секунду, на две, потом снова загорелся.

— Что это? — спросила она.

— Не знаю, — Виктор посмотрел на стеллажи. — Но это уже было вчера. Когда появилась монета.

Вера посмотрела на стол, где лежала монета — серебряная, старая, с гравировкой «Помни».

— Она здесь, — сказала Вера.

— Да, — тихо ответил Виктор. — Она всегда здесь.

Он подошёл к столу, взял монету, сжал в кулаке.

— Нам нужно найти Корректора. Пока он не нашёл нас.

Вера кивнула, глядя на монету, на гравировку, на профиль. И чувствовала: это только начало. Цикл запущен, и его нельзя остановить.

Они просидели в архиве до вечера. Читали, сравнивали, записывали. Виктор показывал свои карточки — «зеркальные дела», сотни примеров преступлений, которые повторялись снова и снова. Вера смотрела, слушала, записывала и

постепенно, очень медленно, начинала верить. Не в мистику, не в проклятия, а в закономерность, в то, что история — не просто даты, что прошлое не умирает, а живёт в нас, в наших поступках, в наших преступлениях.

К вечеру они составили список: люди, связанные с делом 1912 года, их потомки, те, кто до сих пор жив и кто может стать следующей жертвой.

— Здесь десять имён, — сказала Вера. — Десять человек. Кто из них следующий?

Виктор посмотрел на список, потом на монету, потом на Веру.

— Не знаю. Но думаю, мы узнаем скоро.

Он встал, подошёл к окну. Темно, фонари горят, люди идут. Жизнь продолжается.

— Завтра начнём проверять. По одному. Пока не найдём.

Вера кивнула, встала, взяла куртку.

— Я пойду. Уже поздно.

Виктор обернулся.

— Осторожнее. Будьте внимательны. Корректор может быть где угодно.

Вера усмехнулась.

— Я следователь. Я привыкла.

Она вышла. Виктор остался один. Посмотрел на монету, на список, на тьму за окном.

— Я найду тебя, — прошептал он. — Я найду.

Он не знал, что в этот самый момент, в тёмной комнате,

за столом, заваленным старыми бумагами, человек в очках с толстыми линзами смотрел на экран компьютера. На экране была фотография Веры Одинцовой и подпись: «Следователь. Начала копать. Слишком близко».

Человек улыбнулся — медленно, холодно. Взял ручку, написал на листе бумаги: «Вера. Штерн. Архив», и добавил: «Следующая — она».

Откинувшись на спинку стула, он посмотрел в окно на город, на ночь, на прошлое, которое никогда не умирает.

— Помни, — прошептал он. — Всегда помни.

И выключил свет.

Глава 3. Первое имя

Утро началось с дождя. Вера стояла у окна своего кабинета и смотрела, как капли стекают по стеклу — медленно, криво, оставляя за собой мокрые дорожки, будто пытались что-то написать, но никак не могли сложить буквы в понятные слова.

Она почти не спала этой ночью. Читала материалы, которые дал ей Виктор, сравнивала, записывала и снова перечитывала, пытаясь поймать ту самую неуловимую деталь, которая всё расставит по местам. Список лежал на столе, словно тяжёлый приговор: десять имён, десять человек — потомков тех, кто проходил по делу 1912 года. Вера перечитывала его снова и снова, будто надеялась, что порядок букв сам подскажет, кто станет следующей жертвой.

Первым в списке стояло имя: Мельник Лев Аркадьевич, 38 лет. Историк, реконструктор, директор клуба «Эпоха». Вера нахмурилась. Это имя она знала: видела на афишах, слышала в радиопередачах. Лев Мельник был заметной фигурой в городе — харизматичный, умный, с репутацией человека, который знает о прошлом всё, а может быть, даже чуть больше, чем положено. Он вёл лекции, организовывал выставки, участвовал в исторических фестивалях, и казалось, что прошлое для него — не архивная пыль, а живая, дышащая материя.

Но было и кое-что ещё, куда более важное. В деле 1912 года упоминался Даниил Мельник — присяжный заседатель, который голосовал за обвинение, возможно, невиновного. Лев был его потомком.

Вера отложила список, взяла телефон и набрала Виктора.
— Доброе утро, — сказала она. — Это Вера. Я нашла первого.

— Кого? — голос Виктора звучал хрипло: он тоже не спал.

— Мельник. Лев Мельник. Историк. Реконструктор. Его прапрадед был присяжным по делу Гурвича. Он голосовал за обвинение.

На мгновение в трубке повисла тишина, а потом Виктор тихо произнёс:

— Я знаю Льва. Мы встречались несколько раз на конференциях. Он... странный.

— Странный?

— Умный. Слишком умный. И у него есть своя теория. Он называет её «суд истории». Говорит, что прошлое можно исправить, что справедливость не имеет срока давности.

По спине Веры пробежал холодок. Слова звучали пугающе знакомо.

— Ты думаешь, он может быть Корректором?

— Не знаю. Но нам нужно с ним поговорить. Осторожно. Не спугнуть.

— Согласна. Где он обычно бывает?

— Клуб «Эпоха» на Гончарной. Там проходят его лекции.

Сегодня вечером — очередная. Тема: «Нераскрытые преступления XIX века».

Вера невесело усмехнулась. Ирония была слишком очевидной, почти издевательской.

— Значит, сегодня вечером. Пойдём вместе.

— Хорошо. Но будь осторожна. Если он Корректор — он опасен.

— Я следователь, Виктор. Я умею быть осторожной.

Она положила трубку, снова посмотрела на список, на имя Льва Мельника. И почувствовала: это не совпадение. Это начало цепочки, которую кто-то тщательно выстроил задолго до того, как она взялась за это дело.

Клуб «Эпоха» занимал старинный особняк на Гончарной — двухэтажное здание с колоннами, лепниной и высокими окнами. Когда-то здесь была городская усадьба, потом библиотека, потом долгие годы — заброшенное, забытое место. Лев Мельник выкупил его пять лет назад, отреставрировал и превратил в клуб исторической реконструкции, словно хотел вернуть зданию голос прошлого.

Вера приехала к семи. Виктор уже ждал у входа — в том же сером свитере, с той же сумкой через плечо. Он выглядел усталым, но в глазах горел тот самый странный огонь, который появлялся каждый раз, когда он чувствовал, что подбигается к разгадке.

— Готова? — спросил он.

— Готова.

Они вошли. Внутри былолюдно и шумно. Молодые люди в костюмах разных эпох, девушки в длинных платьях, парни в камзолах. Кто-то играл на лютне, кто-то оживлённо обсуждал исторические события, и вся эта сцена напоминала одновременно музей и маскарад, где никто не хотел выходить из роли.

Виктор провёл Веру через толпу. Они поднялись на второй этаж, в большой зал с высокими потолками и рядами стульев. На сцене стоял человек — Лев Мельник.

Он был высоким и худощавым, с тёмными волосами, зачёсанными назад. В очках с толстыми линзами, в тёмном костюме, стилизованном под XIX век. Он говорил тихо, но его голос разносился по залу так, будто усилители были не нужны.

— История, — говорил он, — это не просто последовательность событий. Это суд. Суд над теми, кто совершил преступления. Суд над теми, кто избежал наказания. И этот суд вечен. Он не знает срока давности. Он не знает пощады.

Зал замер. Кто-то кивал, кто-то записывал, а Вера чувствовала, как по коже снова пробегает тот самый холодок.

Виктор наклонился к ней:

— Слышишь? Он говорит то же, что писал мой прапрадед в записных книжках. Слово в слово.

Вера посмотрела на него, потом снова на Льва, потом опять на Виктора.

— Это он?

— Не знаю. Но это слишком похоже.

Лекция закончилась, и люди начали расходиться. Лев сошёл со сцены. Виктор подошёл к нему.

— Лев Аркадьевич? — сказал он. — Виктор Штерн. Мы встречались на конференции в прошлом году.

Лев обернулся. Сначала посмотрел на Виктора, потом на Веру. Улыбнулся.

— Виктор! Конечно, помню. Историк, который верит в цикличность. Как ваши исследования?

— Продвигаются. Позвольте представить — Вера Одинова. Следователь.

Лев посмотрел на Веру внимательно, долго, будто пытался прочесть не только её слова, но и мысли. Потом протянул руку.

— Очень приятно. Чем обязаны?

Вера ответила на рукопожатие. Рука была холодной и сухой, как у человека, который давно не чувствовал тепла.

— Мы расследуем убийство антиквара Ланского, — сказала она. — Вы, наверное, слышали.

Лев кивнул.

— Слышал. Ужасно. Просто ужасно.

— Мы хотели задать вам несколько вопросов. Вы ведь историк. Может быть, вы что-то знаете.

Лев снова посмотрел на неё, потом на Виктора, потом снова на неё. Улыбка не исчезла, но в глазах что-то изменилось — стало холоднее, глубже, как будто за этой вежливой мас-

кой прятался другой человек.

— Конечно, — сказал он. — Давайте пройдем в мой кабинет. Здесь слишком шумно.

Кабинет Льва находился на третьем этаже. Это была большая комната с высокими потолками, книжными шкафами до самого верха, старинным письменным столом и картами на стенах. Здесь прошлое казалось не просто сохранённым — оно жило, дышало, наблюдало.

Вера осмотрелась. На полках стояли древние фолианты и современные издания, и всё это вместе создавало ощущение, что история здесь — не наука, а ритуал.

Лев сел за стол и указал на стулья.

— Присаживайтесь. Чай? Кофе?

— Нет, спасибо, — ответила Вера.

Виктор тоже отказался. Они сели. Лев смотрел на них и ждал.

— Итак, — сказал он, — чем могу помочь?

Вера достала блокнот и открыла его.

— Вы знаете что-нибудь о деле 1912 года? Об убийстве антиквара Гурвича?

Лев нахмурился, а потом снова улыбнулся — так, будто вопрос его скорее позабавил, чем встревожил.

— Гурвич. Конечно. Я изучал это дело. Оно интересное, загадочное, нераскрытое. Как раз в моей теме.

— Ваша тема — нераскрытые преступления?

— Моя тема — справедливость. Историческая справед-

ливость. А нераскрытые преступления — это то, что её нарушает.

Вера сделала пометку в блокноте, потом спросила:

— Вы знаете, что в этом деле упоминается ваш прапрадед? Даниил Мельник?

Лев посмотрел на неё долго и внимательно. Потом кивнул.

— Да. Я знаю. Он был присяжным. Голосовал за обвинение. Но я не вижу в этом ничего предосудительного. Он действовал по совести.

— По совести? — переспросила Вера. — Но ведь, возможно, обвинили невиновного. Разве нет?

Лев помолчал.

— Мы не знаем, был ли он невиновным. Дело закрыто, виновный не найден. Может быть, это был он. А может быть, и нет.

В разговор вмешался Виктор:

— Но мой прапрадед считал иначе. Он вёл это дело и был уверен: обвинили не того.

Лев перевёл взгляд на Виктора.

— Ваш прапрадед был человеком своего времени. Он мог ошибаться.

— Или мог знать правду.

В комнате повисла напряжённая тишина. Вера чувствовала, что они стоят на краю чего-то важного, но пока не могут заглянуть за этот край.

— Лев Аркадьевич, — сказала она, — где вы были в ночь

убийства Ланского?

Улыбка исчезла. Лев посмотрел на неё так, будто она только что перешла невидимую границу.

— Вы меня подозреваете?

— Я задаю вопросы. Это моя работа.

Он помолчал, потом ответил:

— Я был здесь. В клубе до полуночи. Потом поехал домой один.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

— Сотрудники. Они ушли раньше. Я остался один. Занимался бумагами.

Вера записала ответ, потом спросила:

— Вы знаете, что такое «зеркальные дела»?

Лев нахмурился.

— Зеркальные дела? Нет. Не слышал.

Виктор подался вперёд.

— Это преступления, которые повторяются спустя годы, столетия. Те же детали, те же мотивы, те же жертвы.

Лев посмотрел на него, потом улыбнулся, но улыбка вышла натянутой.

— Интересная теория. Но, боюсь, ненаучная.

— Может быть. Но она работает.

Лев встал и подошёл к окну. Посмотрел на улицу, потом обернулся.

— Знаете, Виктор, я вас понимаю. Вы ищете смысл. Вы ищете закономерность. Хотите, чтобы мир был логичным.

Но мир нелогичен. История — хаос. Преступления — хаос. И единственное, что мы можем сделать, — это пытаться понять. Пытаться исправить.

— Исправить? — повторила Вера. — Как?

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

— Я говорю о справедливости. О том, что прошлое можно и нужно исправлять. Не забывать. Не прощать. Исправлять.

Холодок снова пробежал по спине Веры. Слова Льва звучали как признание, только слишком осторожное, слишком обтекаемое, чтобы стать доказательством.

— Спасибо за помощь, — сказала она, вставая. — Мы пойдём.

Виктор тоже поднялся. Лев проводил их до двери.

— Если понадобится — я здесь, — сказал он. — Всегда.

Они вышли, спустились по лестнице и оказались на улице. Дождь кончился. Небо было тёмным, но чистым, и в воздухе чувствовалась свежесть, будто город только что умылся и теперь смотрел на них с молчаливым укором.

— Что думаешь? — спросила Вера.

Виктор долго молчал, прежде чем ответить.

— Он. Это он.

— Почему?

— Он говорил то же, что мой прапрадед. Слово в слово: «суд истории», «исправить прошлое». Это он.

— Но у нас нет доказательств.

— Пока нет. Но мы найдём.

Они пошли к машине. Вера села за руль, Виктор — рядом. Она завела двигатель, но не поехала. Просто сидела и смотрела в лобовое стекло, собираясь с мыслями.

— Он опасен, — сказала она.

— Да, — согласился Виктор. — Опасен. Но мы его найдём. Пока он не убил снова.

Вера кивнула. Она хотела что-то сказать, но в этот момент телефон зазвонил. На экране высветилось: «Костя». Криминалист.

— Да?

— Вера, — голос Кости звучал взволнованно. — Ты должна приехать. Срочно.

— Что случилось?

— Ещё одно убийство и тот же почерк. Отравление. Запертая комната. И монета.

Вера замерла. Потом медленно перевела взгляд на Виктора. Он всё понял без слов.

— Где?

— На Гончарной. В старом доме. Жертва — женщина. Потомок присяжного из дела 1912 года.

Вера положила трубку.

— Он убил снова.

Виктор сжал кулаки.

— Мы должны найти его. Сейчас. Пока он не убил ещё.

Вера резко тронулась с места. Машина рванула вперёд, унося их в ночь, в темноту, в прошлое, которое никак не хо-

тело оставаться в архивах и пыльных папках.

Дом на Гончарной был старым, двухэтажным, с облупившейся краской и тёмными окнами, будто он стыдился того, что происходило внутри. Вера припарковалась у тротуара, вышла из машины, Виктор последовал за ней.

У входа стояли полицейские. Вера показала удостоверение и вошла. Внутри пахло пылью и смертью — тяжёлым, горьким запахом, который невозможно спутать ни с чем.

Тело лежало в гостиной. Женщина лет пятидесяти, седые волосы, спокойное лицо, будто смерть застала её в момент принятия неизбежного. На груди лежала монета — серебряная, старая, с профилем человека в чалме и гравировкой «Помни».

— Кто она? — спросила Вера.

Костя подошёл к ней. Он выглядел бледным и уставшим, как человек, который слишком часто видел смерть.

— Ольга Верещагина. Пятьдесят два года. Историк, преподаватель. Жила одна. Соседи говорят, была тихой, ни с кем не общалась.

— Причина смерти?

— Отравление. Тот же яд. Растительного происхождения. Что-то из старых травников.

Вера присела, осмотрела тело, потом внимательно изучила монету. Та же самая, та же гравировка. Всё повторялось с пугающей точностью.

— Кто нашёл тело?

— Племянница. Пришла утром. Дверь была заперта. Открыла своим ключом. Нашла её здесь.

Вера встала и посмотрела на Виктора. Он стоял в стороне, не сводя глаз с монеты.

— Она была в списке? — спросила Вера.

Виктор кивнул.

— Да. Ольга Верещагина. Потомок присяжного Верещагина из дела 1912 года.

Вера вздохнула, посмотрела на тело, потом на монету, потом на Виктора.

— Он убивает их. По одному. По списку.

— Да, — тихо сказал Виктор. — И мы должны остановить его. Пока он не дошёл до конца.

Вера снова посмотрела на список. Десять имён. Теперь одно вычеркнуто. Осталось девять. Кто следующий?

Она вышла на улицу. Холодный ночной воздух немного отрезвил её. Звёзды были тусклыми, город спал, но где-то там, в темноте, кто-то не спал и действовал, ведомый своей извращённой идеей справедливости.

— Нам нужно поговорить с Мельником, — сказала Вера. — Сейчас. Пока он не убил снова.

— Он не признается, — возразил Виктор. — Слишком умён.

— Знаю. Но мы можем заставить его ошибиться. Напугать.

Виктор посмотрел на неё и после короткой паузы кивнул.

— Хорошо. Но будь осторожна. Он опасен.

Вера усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья.

— Я следователь. Я привыкла к опасности.

Они снова сели в машину и поехали обратно — к клубу, к Льву, к человеку, который, возможно, и был тем самым Корректором.

Клуб был закрыт, но свет горел только на третьем этаже, в окне кабинета Льва. Вера посмотрела на Виктора и кивнула.

— Он там.

— Да.

Они подошли к двери, Вера нажала кнопку звонка. Прошла минута, другая. Наконец дверь открылась. На пороге стоял Лев — в том же костюме, в тех же очках, с той же улыбкой, которая теперь казалась Вере не дружелюбной, а хищной.

— Вера? Виктор? Что-то случилось?

— Ещё одно убийство, — сказала Вера. — Ольга Верещагина. Вы её знали?

Улыбка исчезла. Лев смотрел на неё, будто пытался понять, насколько далеко она зашла.

— Ольга? Да. Знал. Она была историком, как и я. Мы иногда пересекались.

— Она была потомком присяжного из дела 1912 года.

Лев молчал.

— К тому же, — продолжила Вера, — кто-то убивает потомков. По списку. И вы — в этом списке.

Он перевёл взгляд с неё на Виктора, потом обратно.

— Вы думаете, это я? Вы думаете, я убиваю людей?

— Я думаю, вы знаете больше, чем говорите.

Лев смотрел на них долго, будто взвешивал каждое слово, прежде чем произнести его.

— Знаете, что я вам скажу? Вы оба — слепцы. Вы ищете убийцу, но не видите главного.

— Чего?

— Того, что прошлое нельзя исправить. Его можно только принять. Или повторить.

Он смотрел на них, и в его взгляде было что-то холодное, окончательное.

— Уходите. И не возвращайтесь. Иначе пожалеете.

И он закрыл дверь. Вера осталась стоять, глядя на тёмное дерево, потом медленно повернулась и посмотрела на Виктора.

— Он. Это он.

— Да, — сказал Виктор. — Но мы не можем ничего доказать.

— Пока не можем. Но мы найдём способ.

Она пошла к машине, Виктор следом. Они сели, Вера завела двигатель.

— Что теперь? — спросил Виктор.

— Теперь работаем. Ищем доказательства. Пока он не убил снова.

Машина тронулась, увозя их в ночь. А в кабинете на тре-

тьем этаже Лев Мельник стоял у окна и смотрел, как удаляется свет фар. Он улыбался. Потом подошёл к столу, открыл ящик и достал монету — серебряную, старую, с профилем человека в чалме и гравировкой «Помни».

Рядом он положил список. Десять имён.

Глава 4. Подкаст

Телефон завибрировал на тумбочке в шесть утра, выдернув Веру из короткого, рваного сна. Она протянула руку, не открывая глаз, нащупала аппарат. На экране высветилось: «Громов». Начальник звонил в такую рань только по одному поводу.

— Одинцова, — сказала она в трубку, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

— Ты почему не на месте? — Громов не здоровался, никогда. — Второе убийство за три дня. Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю. Работаю.

— Работает она. У тебя есть подозреваемый?

Вера села на кровати. В голове мгновенно пронеслось: Лев Мельник. Но произнести это вслух она не могла — слишком мало доказательств, слишком невероятно звучит. Историк, реконструктор, директор клуба — и серийный убийца, повторяющий преступления столетней давности.

— Есть версия. Работаю над ней.

— Версия, — проворчал Громов. — Мне нужны факты. Мне нужен убийца. И мне нужно, чтобы это не попало в прессу. Пока не попало. Поняла?

— Поняла.

— Сегодня в девять — совещание. Будь.

Он положил трубку. Вера откинулась на подушку и уставилась в потолок, где змеилась всё та же трещина, что и год назад: она всё время забывала вызвать мастера. Потом встала, прошла на кухню, сварила кофе, села за стол и открыла ноутбук. В новостях пока ничего, но это ненадолго — в городе, где за три дня убивают двух человек, слухи расползаются быстрее любого расследования.

Допив кофе, она приняла душ, оделась и вышла из дома. Утро было серым, дождь моросил, будто не решившись пролиться по-настоящему. Вера села в машину, завела двигатель, но не поехала. Думала.

Лев Мельник. Как его поймать? Он умён, слишком умён, не оставляет ни отпечатков, ни свидетелей, ни алиби, которое можно опровергнуть. Только монеты — серебряные, старые, с гравировкой «Помни». Монеты — это ключ. Если она найдёт, откуда они берутся, найдёт и убийцу. Но для этого нужен нумизмат, историк, кто-то, кто разбирается в старинных вещах.

Она набрала Виктора.

— Доброе утро. Ты где?

— В архиве, — голос звучал тихо и устало. — Не спал. Искал.

— Что-нибудь нашёл?

Пауза. Потом:

— Может быть. Приезжай.

Виктор сидел за столом в подвале, перед ним возвышалась

стопка пожелтевших газет, а рядом, на самом виду, лежала монета — серебряная, с профилем человека в чалме и гравировкой «Помни».

— Смотри, — сказал он, едва Вера вошла. — Я всю ночь читал газеты 1912 года. Искал упоминания о Гурвиче, о монете, о Корректоре. И нашёл. — Он показал ей пожелтевшую страницу. — «Губернские ведомости», ноябрь 1912 года. Статья об убийстве антиквара, а в конце — маленькая заметка: «В городе появился человек, называющий себя Корректором. Он рассылает письма с угрозами тем, кто, по его мнению, избежал наказания. Полиция просит граждан быть бдительными».

Вера взяла газету, прочитала, потом перечитала ещё раз.

— Значит, Корректор был уже тогда. Сто лет назад.

— Да. И мой прапрадед его искал. Но не нашёл. А сейчас он снова появился, и убивает.

— Но есть кое-что ещё, — Виктор достал ещё одну газету, ещё более старую. — Это 1899 год. Дело, которое мой прапрадед вёл до Гурвича. Убийство судьи. Тогда тоже был Корректор, те же письма, те же угрозы.

Вера нахмурилась.

— То есть Корректор — это что? Титул? Должность?

— Не знаю. Но думаю, это человек, который считает себя вершителем справедливости. Он повторяет преступления, наказывает потомков, исправляет прошлое.

— И ты думаешь, это Лев Мельник?

Виктор помолчал, взвешивая слова.

— Я думаю, он часть этого. Но не уверен, что он главный.

— Что ты имеешь в виду?

— У Корректора могут быть последователи. Ученики. Люди, которые разделяют его взгляды. Лев — историк, реконструктор, у него есть клуб, последователи, молодые люди, которые слушают его лекции и верят в «суд истории».

По спине Веры снова пробежал холодок.

— Ты думаешь, он готовит их? Учит?

— Не знаю. Но это объясняет, почему он так уверен и не боится. У него есть план, и есть люди, которые помогут его выполнить.

Вера села напротив, посмотрела на монету, на газеты, на Виктора.

— Нам нужно больше информации. О Льве, о его клубе, о его прошлом.

— Согласен. Но времени мало. Он убивает по списку. Два человека уже мертвы, осталось восемь.

Вера кивнула и после короткой паузы сказала:

— Я знаю, к кому обратиться. Алина Ветрова. Журналистка, ведёт подкаст о городских тайнах. У неё есть источники, и она умеет копать.

Виктор нахмурился.

— Журналистка? Ты хочешь посвятить в это журналистку?

— Она уже в этом. Год назад вела подкаст о деле 1912

года. Знает про Гурвича, про монету, про Корректора.

— Хорошо, — после раздумий согласился Виктор. — Но будь осторожна. Мы не знаем, кому можно доверять.

— Знаю. Но нам нужна помощь. Алина — не полиция, не связана бюрократией, может найти то, что мы не можем.

Виктор вздохнул, потом кивнул.

— Ладно. Звони.

Алина Ветрова жила в маленькой квартире на окраине города, заваленной книгами, газетами и старыми фотографиями. На стенах висели карты, на столе стоял микрофон, на полках лежали сотни записанных подкастов. Алина — двадцать восемь, рыжая, худая, с быстрыми глазами и привычкой перебивать собеседника — открыла дверь и сразу улыбнулась.

— Вера! Сто лет тебя не видела. А это кто?

— Виктор Штерн. Историк. Консультант.

Алина посмотрела на Виктора внимательнее, и в её глазах мелькнуло узнавание.

— Штерн? Как Савелий Штерн? Судебный следователь?

Виктор вздрогнул.

— Вы знаете моего прапрадеда?

— Конечно. Я делала о нём подкаст два года назад. «Тайны губернского сыска». Он вёл дело Гурвича, нераскрытое убийство. Я тогда копалась в архивах и нашла много интересного.

Вера переглянулась с Виктором.

— Нам нужна твоя помощь. Мы расследуем убийство Ланского. И Верещагиной.

Алина нахмурилась, улыбка исчезла.

— Верещагиной? Ольги? Её убили?

— Да. Тот же почерк: отравление, запертая комната, монета.

Алина молча посторонилась.

— Проходите. Нам нужно поговорить.

Они прошли на кухню. Алина налила чай, села напротив и сказала просто:

— Рассказывайте.

Вера рассказала всё. Про монету, про Корректора, про Льва Мельника, про список, про «зеркальные дела». Алина слушала, не перебивая, и когда Вера закончила, тихо произнесла:

— Я знаю про Корректора. Нашла упоминания в архивах, но думала, это легенда, городская история, что-то вроде призрака.

— Это не легенда, — сказал Виктор. — Это реальность. И он убивает.

— Что вы хотите от меня? — спросила Алина.

— Информацию, — ответила Вера. — Всё, что у тебя есть. Про Льва, про его клуб, про его прошлое, про людей, которые его окружают.

Алина встала, подошла к шкафу и достала толстую папку.

— Здесь всё. Я собирала материал о Льве год назад, для

подкаста, но так и не выпустила. Слишком... странно.

— Странно? — переспросил Виктор.

— Он опасен. Я это поняла, когда копалась в его прошлом. Он был в психбольнице, в молодости, после смерти родителей.

— Что случилось с его родителями? — Вера подалась вперёд.

— Они погибли в девяностых. Убиты. Нераскрытое убийство. Похожее на дело 1912 года: те же детали — отравление, запертая комната, монета.

Вера и Виктор переглянулись. Алина продолжила:

— Ему было двенадцать. Он нашёл тела. После этого попал в больницу на несколько лет, потом вышел, закончил университет, стал историком, открыл клуб.

— И начал искать Корректора? — спросил Виктор.

— Не знаю. Может быть. А может быть — стал им.

Вера взяла папку, открыла: фотографии, документы, вырезки из газет — всё про Льва, его семью, его прошлое.

— Это то, что нам нужно. Спасибо.

— Будьте осторожны, — предупредила Алина. — Если Лев узнает, что вы копаете, он может сделать что-то.

— Мы знаем, — сказал Виктор.

Они встали, направились к двери. Алина проводила их:

— Если что-то найдёте — скажите. Я хочу знать. Хочу рассказать людям правду.

— Скажем, — пообещала Вера.

Они вернулись в архив. Виктор разложил папку на столе, Вера села рядом, и они начали читать.

Досье было подробным. Алина собрала много: фотографии Льва в разном возрасте, документы из больницы, университета, клуба, вырезки из газет о смерти родителей и о нераскрытом убийстве со странными обстоятельствами.

— Смотри, — Виктор указал на лист. — Отчёт полиции. Убийство Мельников, 1994 год. Отравление, запертая комната, монета. Та же самая — серебряная, с профилем в чалме.

Вера взяла отчёт, прочитала, потом перечитала ещё раз.

— Точное повторение дела 1912 года. Те же детали, те же мотивы.

— Да. И Лев это знал. Ему было двенадцать, он нашёл тела, увидел монету и понял: это не просто убийство. Это послание. Суд истории.

Вера отложила отчёт и посмотрела на Виктора.

— Он стал Корректором, потому что его семья пострадала. Он мстит. Повторяет преступления. Наказывает потомков.

— Да. Но есть проблема.

— Какая?

— Он не просто повторяет, он выбирает. Убивает только тех, кто связан с делом 1912 года. Но его родители тоже были связаны: прапрадед был присяжным, голосовал за обвинение. И его убили — кто-то, кто считал, что он виновен.

— Ты думаешь, был другой Корректор? До Льва?

— Не знаю. Но это объясняет, почему Лев стал тем, кем стал. Он потерял родителей, видел несправедливость и решил исправить мир. По-своему.

Вера помолчала, потом твёрдо сказала:

— Мы должны его остановить. Пока не убил снова.

— Согласен. Но как? У нас есть досье, есть косвенные улики, но суд это не примет.

— Тогда нужно поймать его с поличным. На месте преступления. Или заставить признаться.

Виктор посмотрел на неё выжидающе.

— У меня есть идея, — сказала Вера. — Мы используем список. Осталось восемь имён. Предупредим их всех, расскажем про угрозу и устроим засаду у того, кто, по логике Льва, будет следующим.

Виктор нахмурился.

— Это опасно. Если Лев узнает, он может изменить план.

— Знаю. Но это единственный способ. Мы не можем ждать, пока он убьёт ещё кого-то.

Он помолчал, потом кивнул.

— Хорошо. Но нужно выбрать правильную жертву. Лев ведёт логика дела 1912 года: он убивает в том порядке, в котором умирали фигуранты того дела. Гурвич — первым, Верещагин — вторым. Следующим был прокурор, потом судья, потом присяжные.

— Кто из списка — прокурор?

Виктор провёл пальцем по строчкам.

— Вот. Соколов Андрей Петрович. Шестьдесят лет. Прокурор в отставке. Живёт на окраине, один.

— Значит, следующий — он.

— Скорее всего. Но есть ещё кое-что. Лев знает, что мы его подозреваем. Он видел нас, понял. Если он умён, а он умён, он может изменить план и убить кого-то другого. Не по списку.

— Кого?

— Не знаю. Но думаю, он захочет убрать нас. Тебя. Или меня. Или обоих.

Вера посмотрела на него и увидела в его глазах страх — настоящий, не за себя, за неё.

— Мы справимся. Мы его поймаем.

Виктор кивнул, но страх из глаз не ушёл.

Они просидели в архиве до вечера, составили план, написали шаги, подготовили вопросы. Вера позвонила Соколову, предупредила: тот сначала не поверил, потом испугался и согласился на засаду.

Виктор собрал материалы: досье, фотографии, схемы — всё, что нужно было для передачи в прокуратуру. Он не спал вторые сутки, но усталости не чувствовал, только странное возбуждение, будто шёл по горячему следу и был уже совсем близко.

Вечером Вера уехала. Виктор остался в архиве один. Смотрел на монету, на портрет прапрадеда, на картотеку.

Думал.

Он думал о Льве, о его родителях, о его детстве. О том, как двенадцатилетний мальчик нашёл тела. Как увидел монету. Как понял, что мир несправедлив, и решил его исправить.

Виктор понимал его. Это было страшно, но он понимал. Он тоже потерял родителей в двенадцать лет — они погибли в автокатастрофе, не убийство, но потеря есть потеря. И он тоже искал смысл: в прошлом, в архивах, в «зеркальных делах». Может быть, поэтому он не мог просто ненавидеть Льва. Может быть, поэтому хотел его понять, а не только поймать.

Он встал, подошёл к окну. Темно, фонари горят, люди идут. Жизнь продолжается. Потом вернулся к столу, взял монету и сжал в кулаке.

— Я найду тебя, — прошептал он. — Я найду.

Он не знал, что в этот самый момент, в тёмной комнате, за столом, заваленным старыми бумагами, человек в очках с толстыми линзами смотрел на экран компьютера. На экране была фотография Веры Одинцовой и подпись: «Слишком близко. Пора действовать».

Человек улыбнулся медленно и холодно. Взял ручку и написал на листе бумаги: «Засада. Соколов. Штерн», а ниже добавил: «Они думают, что поймают меня. Наивные».

Откинувшись на спинку стула, он посмотрел в окно на город, на ночь, на прошлое, которое никогда не умирает.

— Помни, — прошептал он. — Всегда помни.

И выключил свет.

Глава 5. Засада

Утро пятницы началось с тумана. Город утонул в молочной дымке: дома, деревья, фонари расплывались, теряли очертания и становились похожими на призраков. Вера стояла у окна своего кабинета и смотрела, как туман ползёт по улицам, заползает в переулки, оседает на стекле. Она не любила такую погоду. В тумане всё казалось зыбким, ненастоящим — как прошлое, как «зеркальные дела», как сам Корректор.

Она приехала в управу ещё в семь утра. Опять не спала. Слишком много мыслей, слишком много вопросов, слишком много страха. На столе лежал план — она составила его ночью, расписав всё по пунктам, по шагам, по минутам. Засада у дома Соколова: двое оперативников, один — в машине на улице, второй — в доме, у окна. Сама Вера должна была занять позицию в соседнем заброшенном доме с биноклем. Виктор оставался в архиве, на связи, — на случай, если Лев попытается что-то сделать с ним.

Вера проверила оружие. Пистолет — стандартный, служебный. Она редко его доставала, но сегодня он мог понадобиться.

В дверь постучали.

— Входите.

Вошёл Громов. Хмурый, усталый. Он тоже не спал — это

было видно по его глазам, красным, воспалённым.

— Одинцова, — произнёс он. — Ты уверена, что это срабатывает?

— Не уверена. Но это единственный шанс.

Громов подошёл к столу, посмотрел на план, потом перевёл взгляд на Веру.

— Мельник — уважаемый человек. Директор клуба, историк. Если мы его возьмём без доказательств, будет скандал.

— Мы возьмём его с поличным. На месте преступления. С монетой в кармане.

— А если он не придёт?

— Тогда будем ждать. Сколько нужно.

Громов помолчал, будто взвешивая каждое слово.

— Хорошо. Работайте. Но если что-то пойдёт не так — я вас не прикрою.

— Понимаю.

Он вышел, оставив после себя тяжёлую тишину. Вера посмотрела на план, потом на телефон. Набрала Виктора.

— Ты готов?

— Готов, — голос был тихий, но твёрдый. — Я в архиве. Буду на связи.

— Хорошо. Если что-то заметишь — сразу звони.

— Договорились.

Вера положила трубку, взяла сумку и вышла из кабинета. Дом Соколова стоял на окраине города — старый двух-

этажный дом с облупившейся краской и заросшим садом. Когда-то здесь была усадьба, потом коммуналка, а теперь — просто дом, в котором доживал свой век одинокий старик. Андрей Петрович Соколов, бывший прокурор, шестьдесят лет, тихий, никому не нужный.

Вера приехала в половине восьмого. Оперативники уже были на месте: один сидел в машине на улице, другой находился в доме, у окна. Вера поднялась на второй этаж соседнего пустого дома — идеальная точка обзора: окна выходили прямо на дом Соколова.

Она установила бинокль, посмотрела. Дом казался тёмным, только в одной комнате на первом этаже горел свет. Соколов не спал. Ждал. Как и они.

Вера достала телефон, проверила связь. Всё работало. Набрала Виктора:

— Я на месте.

— Вижу, — ответил он. — Я в архиве. Камеры работают. Если кто-то войдёт в здание — я увижу.

— Хорошо. Оставайся на связи.

Она положила трубку и снова посмотрела в бинокль. Дом, улица, туман, тишина. Время шло мучительно медленно.

Вера думала о Льве. О его глазах, о его улыбке, о том, как он говорил: «Прошное нельзя исправить. Его можно только принять. Или повторить». Она думала о его родителях, о том, как двенадцатилетний мальчик нашёл их тела, как увидел монету, как решил, что мир несправедлив и что он дол-

жен его исправить.

Она понимала его — и от этого становилось страшно. Она тоже видела несправедливость каждый день: как убийцы уходили от наказания, как преступники избегали суда, как прошлое оставалось неотмщённым. И она тоже хотела исправить мир. Но по-другому — по закону, по правилам.

Лев правил не признавал. Он создал свои. Он стал Корректором, вершил суд и убивал.

Вера вздохнула, посмотрела на часы: восемь, девять, десять. Ничего. Тишина.

Она позвонила оперативнику в доме:

— Что у него?

— Сидит, читает. Волнуется.

— Как понять, что волнуется?

— Руки трясутся. Всё время смотрит в окно.

Вера нахмурилась. Соколов знал, ждал, боялся — но был готов.

Снова посмотрела в бинокль: дом, улица, туман, тишина.

Одиннадцать, двенадцать, час дня. Ничего. Вера начала нервничать. Может, они ошиблись? Может, Лев не придёт? Может, он выбрал другую жертву?

Она снова набрала Виктора:

— Ничего?

— Ничего, — ответил он. — Но я чувствую: он где-то рядом. Он ждёт. Играет с нами.

— Что ты имеешь в виду?

— Он знает про засаду. Знал с самого начала. Хочет, чтобы мы ждали, устали, ошиблись.

По спине Веры пробежал холодок.

— Тогда что нам делать?

— Ждать. Но не расслабляться. Он что-то готовит. Что-то, чего мы не ожидаем.

Вера положила трубку и продолжила смотреть в бинокль.

В половине третьего туман начал рассеиваться. Улица предстала перед ней серой, мокрой, пустой. Ни машин, ни людей — только дом Соколова и тишина.

Она устала. Глаза слезились от бинокля, руки замёрзли. Хотелось кофе, но уйти она не могла. Не могла оставить пост.

Снова позвонила оперативнику:

— Что у него?

— Сидит, читает... Но мне кажется, он что-то услышал.

— Что?

— Не знаю. Он встал, подошёл к окну, смотрит на улицу.

Вера подняла бинокль. Соколов стоял у окна, бледный, испуганный.

Она осмотрела улицу. Пусто. Туман. Тишина.

А потом увидела тень. В конце улицы. Человек в тёмном пальто и шляпе шёл медленно, уверенно, прямо к дому Соколова.

Сердце Веры заколотилось.

— Внимание, — сказала она в рацию. — Объект приближается. Один человек. Тёмное пальто, шляпа.

Оперативник в доме ответил:

— Вижу. Готов.

Человек подходил всё ближе. Он не торопился, будто знал, что делает. Остановился у дома, посмотрел на окна, потом на дверь, снова на окна.

Вера сжала рацию, ждала.

Он поднял руку и постучал — три раза, медленно, ритмично.

Дверь открылась. Соколов стоял на пороге, бледный, испуганный, смотрел на человека и молчал.

Тот что-то сказал. Вера не слышала слов, но видела, как Соколов отшатнулся, как его лицо исказилось от ужаса.

— Внимание! — крикнула она. — Входим!

Оперативник рванулся к двери. Вера побежала вниз по лестнице, к выходу, к улице.

Она выбежала, понеслась к дому, сердце колотилось, ноги скользили по мокрому асфальту.

Распахнула дверь, ворвалась внутрь.

— Стоять! Полиция!

Тишина. Вера осмотрелась: гостиная пуста. Стол, стул, лампа. Никого.

Прошла дальше: кухня — пусто, спальня — пусто.

Вернулась в гостиную. Оперативник стоял у окна, бледный.

— Где он? — спросила Вера.

— Ушёл, — сказал оперативник. — Через заднюю дверь.

Я не успел.

— А Соколов?

Он показал на пол. Вера посмотрела: Соколов лежал у стола, глаза открыты, на груди — монета. Серебряная, старая, с профилем человека в чалме и гравировкой «Помни».

Вера замерла, посмотрела на тело, на монету, на оперативника.

— Он убил его. Прямо у нас на глазах. И ушёл.

Оперативник молчал. Вера достала телефон, позвонила Виктору.

— Он убил Соколова. Ушёл через заднюю дверь.

Пауза. Потом:

— Я знаю. Я видел.

— Что ты видел?

— Камеры. Он прошёл через двор. Я видел его. Это был Лев.

Вера закрыла глаза, сжала кулаки.

— Мы его упустили.

— Да, — сказал Виктор. — Но мы знаем, кто он. И знаем, что он сделает дальше.

— Что?

— Он вернётся. К клубу. К своим людям. Он не остановится. Будет убивать, пока не дойдёт до конца списка.

Вера открыла глаза, посмотрела на тело Соколова, на монету.

— Тогда мы его найдём. Сейчас. Пока он не убил снова.

Она села в машину, завела двигатель и поехала.

Клуб «Эпоха» был закрыт. Свет горел только на третьем этаже, в окне кабинета. Вера припарковалась у тротуара. Вышла. Виктор ждал её у входа — бледный, усталый, но с тем же огнём в глазах.

— Он там? — спросила Вера.

— Да. Я видел, как он вошёл. Пять минут назад.

— Один?

— Один.

Вера достала пистолет, проверила. Посмотрела на Виктора.

— Ты останешься здесь.

— Нет.

— Это опасно.

— Я знаю. Но я пойду с тобой.

Вера долго смотрела на него, потом кивнула.

— Хорошо. Но держись позади. И если что-то пойдёт не так — беги.

— Не убегу.

Они вошли. Внутри было темно, только лестница освещалась тусклой лампой. Поднялись на третий этаж, к кабинету.

Дверь была приоткрыта. Вера толкнула её и вошла.

Лев сидел за столом. В том же костюме, в тех же очках, с той же улыбкой. Перед ним лежала монета — серебряная, старая, с гравировкой «Помни».

— Я ждал вас, — сказал он. — Садитесь.

Вера не села. Она держала пистолет и смотрела на него.

— Вы арестованы. За убийство Ланского, Верещагиной, Соколова.

Лев улыбнулся — медленно, холодно.

— Доказательства?

— Монеты. Ваши люди. Ваш клуб. Всё это.

Лев покачал головой.

— Это не доказательства. Это совпадения. Вы не сможете меня посадить.

— Сможем. Рано или поздно.

Лев встал, подошёл к окну, посмотрел на улицу, потом обернулся.

— Знаете, почему я это делаю? Не потому, что я маньяк. Не потому, что люблю убивать. А потому, что хочу справедливости. Настоящей. Не той, которую вершат продажные судьи, не той, которую пишут в бумагах. А той, которая в крови, в памяти, в прошлом.

— Вы убиваете людей, — сказала Вера. — Невинных.

— Невинных? — Лев усмехнулся. — Они не невинны. Они — потомки. Несут в себе кровь тех, кто убивал, кто лгал, кто избежал наказания. Они — часть цикла. И я разрываю его. По одному.

— Вы не разываете. Вы продолжаете.

Лев посмотрел на неё долго, пристально.

— Может быть. Но я хотя бы пытаюсь. А вы? Что делаете вы? Ловите убийц, но не наказываете их. Сажаете в тюрьмы,

но не исправляете прошлое. Вы — часть системы. Системы, которая защищает виновных.

Вера крепче сжала пистолет.

— Я защищаю закон.

— Закон — это бумага. А справедливость — это кровь.

Он подошёл к столу, взял монету, посмотрел на неё.

— Эта монета была у моего прапрадеда. Когда его убили. Когда убили моих родителей. Она — символ. Символ несправедливости. Символ прошлого, которое не умирает.

Положил монету на стол, посмотрел на Веру.

— Вы можете меня арестовать. Но это ничего не изменит. Цикл продолжится. Кто-то другой станет Корректором. Кто-то другой будет вершить суд. Потому что прошлое нельзя остановить. Его можно только принять.

— Или разорвать, — сказал Виктор.

Лев перевёл на него взгляд.

— Разорвать? Как?

— Правдой, — ответил Виктор. — Признанием. Публикацией. Рассказать людям о том, что было. О деле 1912 года, о подделке, о невиновном. Обо всём. Чтобы прошлое перестало быть тайной. Чтобы стало историей.

Лев молчал, потом снова улыбнулся.

— Ты наивен, Виктор. Как твой прапрадед. Он тоже думал, что правда спасёт мир. Но мир не спасся. Мир продолжал убивать. И убивает до сих пор.

— Может быть. Но это единственный способ.

Лев покачал головой.

— Нет. Единственный способ — это суд. Настоящий. Без бумаг, без адвокатов, без сроков давности.

Он подошёл к Вере. Близко. Она почувствовала запах старых книг, пыли и чего-то холодного.

— Вы можете меня убить, — тихо сказал он. — Сейчас. Прямо здесь. И это будет справедливо. Потому что я — убийца. Но вы не убьёте. Потому что вы — часть системы. А система не убивает. Она прощает.

Руки Веры дрожали. Она хотела выстрелить, хотела остановить его. Но не могла — не из страха, а потому, что понимала: в чём-то он прав. Она действительно была частью системы.

— Вы арестованы, — сказала она. — Сопротивление бесполезно.

Лев улыбнулся, посмотрел на неё, потом на Виктора, снова на неё.

— Хорошо. Я не буду сопротивляться. Но запомните: это не конец. Это начало.

Он протянул руки. Вера надела наручники. Потом посмотрела на Виктора. Он стоял, глядя на монету, на Льва, на всё это.

— Мы его взяли, — сказала Вера. — Всё кончено.

Виктор покачал головой.

— Нет. Это только начало.

Они вывели Льва из клуба, посадили в машину. Вера села

за руль, Виктор — рядом, Лев — сзади. Он молчал, смотрел в окно и улыбался.

— Куда его? — спросила Вера.

— В управу. Пусть Громов решает.

Они поехали. Ночь была тёмной, улицы пустыми, город спал. Вера смотрела на дорогу и думала о словах Льва — о системе, о справедливости, о прошлом, которое нельзя остановить. Она не хотела с ним соглашаться, но что-то в его словах не давало ей покоя.

Приехали в управу. Вера вышла, открыла заднюю дверь. Лев вышел спокойно, уверенно, будто это было частью его плана.

Поднялись на второй этаж. Громов ждал в кабинете. Увидел Льва, нахмурился.

— Это он?

— Да, — сказала Вера. — Лев Мельник. Убийца.

Громов посмотрел на Льва, потом на Веру.

— Доказательства?

— Монеты. Свидетели. Всё.

— Хорошо. Ведите его в допросную. Я скоро приду.

Вера повела Льва по коридору, открыла дверь допросной, посадила за стол, пристегнула наручники к стулу.

— Я оставлю вас здесь. Скоро придут.

Лев посмотрел на неё и улыбнулся.

— Вы думаете, это конец? Думаете, вы победили?

— Думаю, вы ответите за свои преступления.

— Может быть. Но цикл не разорван. Он продолжится. Без меня. Другие люди, другие руки, другая кровь.

— Мы найдём их. Всех.

— Не найдёте. Потому что их слишком много. Потому что прошлое — это не один человек. Это система. Система, которую нельзя победить.

Вера посмотрела на него долго, потом сказала:

— Может быть. Но мы попробуем.

Вышла, закрыла дверь, пошла к Громову.

А в допросной Лев Мельник сидел, смотрел на свои руки и улыбался. Потом прошептал:

— Помни. Всегда помни.

Закрыв глаза и начал ждать.

Глава 6. Линия

Допросная на первом этаже управы была маленькой, без окон: серые стены, одинокий стол, два стула. Тускло горела лампа на потолке, отбрасывая жёлтый свет на лицо Льва Мельника. Он сидел спокойно, спина прямая, руки на столе, наручники холодно поблёскивали металлом.

Вера вошла в половине двенадцатого ночи. Она устала, была злой и голодной — не ела с самого утра. Но уйти не могла. Не сейчас.

Напротив Льва молча сидел Громов. Он смотрел на задержанного тяжёлым, немигающим взглядом — так, будто видел человека насквозь. Лев не отводил глаз. Он не нервничал, не потел. Был слишком спокоен.

Вера села рядом с Громовым, открыла папку, положила её на стол, достала ручку.

— Лев Аркадьевич, — начала она, — вы обвиняетесь в трёх убийствах: Ланского, Верещагиной, Соколова. Вы понимаете, что вам грозит?

Лев посмотрел на неё и мягко, почти дружелюбно улыбнулся.

— Понимаю. Пожизненное или двадцать пять лет — в зависимости от статьи.

— Вы готовы давать показания?

— Готов. Но не думаю, что вы поймёте.

Громов подался вперёд.

— Попробуйте объяснить.

Лев перевёл взгляд с Громова на Веру, потом снова на Громова.

— Вы хотите знать, зачем я это делал? Хотите понять, почему я убивал людей, которых никогда не видел?

— Да, — сказала Вера. — Хотим.

Он откинулся на спинку стула, посмотрел на лампу, на потолок, на что-то невидимое для остальных.

— Это началось не с меня, — тихо произнёс он. — Это началось задолго до меня. Задолго до моего прапрадеда. Задолго до дела 1912 года.

Громов нахмурился.

— Что началось?

— Линия Корректоров, — ответил Лев.

Ручка дрогнула в руке Веры. Она переглянулась с Громовым: тот замер, не сводя глаз с Льва.

— Объясните, — попросила Вера.

Лев улыбнулся — медленно и холодно.

— Вы думаете, я первый? Думаете, я всё придумал сам? Нет. Это традиция. Линия, которая тянется веками: от человека к человеку, от отца к сыну, от учителя к ученику. Каждый Корректор передаёт знание следующему. Каждый знает, что он — не один, а часть цепи.

Холодок пробежал по спине Веры.

— Кто был до вас?

— Мой учитель. Человек, который нашёл меня после смерти родителей. Он рассказал мне о несправедливости, о суде истории. Пять лет назад он умер. Перед смертью передал мне монету и сказал: «Теперь ты — Корректор. Теперь ты вершишь суд».

— Кто он был?

Лев помолчал.

— Вы его не найдёте. Он мёртв. Но есть другие. Другие Корректоры — в других городах, в других странах. Мы связаны. Мы — сеть. Мы — линия.

Громов встал, подошёл ко Льву и наклонился так, что их лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Вы понимаете, что говорите? Вы фактически признаётесь в участии в преступной организации. Это серьёзно.

Лев не отвёл взгляда.

— Я не признаюсь. Я объясняю. Вы спросили — я ответил. Это не преступная организация. Это идея, которая старше любого закона. Идея справедливости.

— Вы убивали людей, — сказала Вера. — Невиновных. Повторяли преступления столетней давности. Разрушали жизни.

— Я не разрушал жизни, — возразил Лев. — Я возвращал долги. Каждый, кого я убил, — потомок того, кто убивал, лгал, избежал наказания. Они носили в себе кровь преступников. И должны были ответить.

— Они не были виновны, — настаивала Вера. — Они не

совершали преступлений.

— Виновность — это не только действие, — спокойно ответил он. — Это наследие. Ты не можешь отмыться от крови предков. Она в тебе: в генах, в душе.

Вера сжала кулаки, сдерживая желание закричать. Следователь не имеет права на эмоции.

— То, что вы говорите, — это фашизм, — сказала она. — Виновность по крови, наказание потомков.

Лев снова улыбнулся.

— Называйте как хотите. Но это справедливость. Настоящая, не бумажная. Не та, которую вершат продажные судьи, а та, что живёт в памяти и в прошлом.

Громов вернулся на место, сел, посмотрел на Веру.

— Продолжайте.

Она взяла ручку, сделала запись, потом спросила:

— Сколько вас?

— Корректоров? — Лев задумался. — Не знаю. Может, десять, может, двадцать, а может, и больше. Мы не знаем друг друга в лицо. Узнаём по монетам, по почерку, по делам.

— Как вы общаетесь?

— Через письма, символы, монеты. Оставляем их на местах — как знак, подпись, память.

— Где берёте монеты?

Он посмотрел на неё с лёгкой усмешкой.

— Их делают. В одном месте, в одном городе. Я не знаю где. Но они всегда приходят, когда нужны.

Вера нахмурилась, хотела задать ещё вопрос, но Лев поднял руку — насколько позволяли наручники.

— Достаточно, — сказал он. — Я устал. Хочу спать.

Громов и Вера переглянулись, встали и вышли в коридор.

— Это безумие, — произнёс Громов. — Он сумасшедший.

— Может быть, — согласилась Вера. — Но он говорит правду. Или то, во что искренне верит.

— Что будем делать?

— Допрашивать дальше. Утром. Он устал, мы тоже. Утром он скажет больше.

Громов кивнул и пошёл к выходу. Вера задержалась, посмотрела на дверь допросной. За ней сидел Лев — убийца, фанатик, безумец... и часть чего-то гораздо большего, чего она пока не могла понять.

Вера достала телефон и позвонила Виктору.

— Ты где?

— В архиве, — голос был тихим, но взволнованным. — Я кое-что нашёл. Приезжай.

— Что нашёл?

— Приезжай. Увидишь.

Она положила трубку, вышла из управы, села в машину и поехала.

Виктор сидел за столом в подвальном помещении. Перед ним лежала стопка старых бумаг, а на столе — серебряная монета: профиль человека в чалме, гравировка «Помни».

— Смотри, — сказал Виктор, когда Вера вошла. — Я всю ночь читал. Не только газеты 1912 года, но и более старые документы — семнадцатого, восемнадцатого, девятнадцатого веков.

— И что?

— Корректоры существуют веками. Я нашёл упоминания в разных городах и странах. Везде одно и то же: монета, убийство, повторение старого преступления.

Вера села напротив, посмотрела на бумаги, на монету, на Виктора.

— Ты уверен?

— Да. Вот, смотри: 1789 год, Франция. Убийство судьи в запертой комнате. Монета. Дело не раскрыто. А вот 1889 год — тот же город, тот же почерк. Убит потомок того судьи. Снова монета. Снова дело не раскрыто.

Вера взяла документ, прочитала, потом ещё раз.

— Это повторение. Через сто лет.

— Да. И так везде: Англия, Германия, Италия, Россия. Десятки примеров. Одна и та же схема.

— Кто это делает?

— Корректоры. Линия. Сеть. Люди, считающие себя вершителями справедливости. Они передают знание из поколения в поколение, убивают, повторяют преступления, «исправляют» прошлое.

Вера отложила документ, посмотрела на Виктора.

— Лев сказал то же самое. Про линию, сеть, связь.

— Значит, он не врёт. Или врёт не во всём.

Она помолчала, потом произнесла:

— Если это правда, мы имеем дело не с одиночным убийцей, а с организацией. С чем-то, что существует веками.

— Да. Лев — лишь звено. Как и его учитель, как и тот, кто придёт после него.

По спине Веры снова пробежал холодок. Она посмотрела на монету, на гравировку «Помни» — слово, повторявшееся во всех эпохах.

— Что нам делать?

— Искать, — сказал Виктор. — Искать других, искать сеть, искать того, кто делает монеты, того, кто передаёт знание.

— На это могут уйти годы.

— Знаю. Но это единственный путь. Если остановим только Льва, линия продолжится. Кто-то другой станет Корректором.

Вера кивнула. Усталость давила, но она понимала: останавливаться нельзя.

— Утром продолжим допрос, — сказала она. — Лев скажет больше. Я чувствую.

— Хорошо, — ответил Виктор. — А я продолжу искать: в архивах, в документах, везде.

Вера подошла к окну, посмотрела на ночную улицу: темнота, фонари, тишина.

— Расскажи мне всё, что нашёл, — попросила она. — Про

линию, про Корректоров, про историю.

Виктор кивнул и начал:

— Первое упоминание я нашёл в документах 1642 года, Англия. Гражданская война. Убийство судьи, запертая комната, монета, дело не раскрыто. Но есть запись в дневнике следователя: «В городе появился человек, называющий себя Корректором. Он утверждает, что вершит суд над теми, кто избежал наказания. Оставляет серебряные монеты с надписью „Помни“».

Вера слушала, глядя на выцветшие чернила, на старые бумаги.

— Дальше — то же самое, — продолжал Виктор. — 1689 — Франция, 1723 — Германия, 1789 — снова Франция, 1812 — Россия, 1848 — Италия, 1899, 1912 — здесь. Век за веком, страна за страной. Одна схема.

— Почему сто лет?

— Не знаю. Возможно, это цикл. Возможно, связано с поколениями. Или просто традиция: каждые сто лет — новый Корректор, новая волна убийств, новый «суд истории».

Вера нахмурилась.

— Но зачем? Какая цель?

— Справедливость, как они её понимают. Наказать потомков, чтобы вина предков исчезла. Повторить преступление, чтобы оно перестало быть тайной. Оставить монету, чтобы память сохранилась.

— Это безумие.

— Да. Но для них это вера. Религия. Смысл жизни.

Вера откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Она думала о Льве, о его словах, о том, что тоже хотела справедливости, но по-другому — через закон.

— А монеты? — спросила она. — Откуда они?

— Не знаю. Я искал везде: в архивах, музеях, документах. Монеты просто появляются в нужный момент, в нужном месте. Как будто кто-то их делает. Кто-то, кто всё знает.

— Кто?

— Может, сам Корректор. Может, кто-то другой. Организация, сеть, линия.

Она открыла глаза и посмотрела на монету.

— А твой прапрадед? Он знал про линию?

Виктор кивнул.

— Он знал. Я нашёл его записные книжки. Он писал о Корректорах, о линии, о попытках их найти. Он так и не узнал правды.

— Какой правды?

— Он подозревал, что его семья — часть линии. Что его прапрадед или кто-то ещё был Корректором, передал знание, а монета — не просто символ, а ключ.

Вера замерла.

— Ты думаешь, твой прапрадед был Корректором?

Виктор помолчал.

— Не знаю. Но он вёл дело Гурвича, знал про монету, про Корректора. И что-то скрыл — то, чего нет в официальных

бумагах.

— Что?

— Не знаю. Но думаю, скоро узнаем.

Вера долго смотрела на него, потом сказала:

— Утром пойдём ко Льву. Спросим про твоего прапрадеда, про линию, про всё.

Виктор кивнул: усталость была на его лице, но в глазах горел тот же огонь.

Они просидели до утра: читали, сравнивали, записывали, составляли хронологию линии Корректоров — век за веком, убийство за убийством.

К шести утра Вера встала, посмотрела на Виктора: он спал, сидя, голова на столе, руки на бумагах. Она улыбнулась, укрыла его курткой, вышла, села в машину и поехала в управу.

Утро было серым, туманным, дождливым. Она не спала, но усталости не чувствовала — только странное возбуждение, будто шла по следу и была совсем близко.

В семь утра Вера вошла в допросную. Лев сидел и ждал. Улыбался.

— Доброе утро, — сказал он. — Вы рано.

— У меня много вопросов, — ответила Вера. — И я хочу получить ответы.

Лев посмотрел на неё долгим взглядом.

— Спрашивайте.

Она села, достала блокнот.

— Кто был до вас? Кто ваш учитель?

— Я уже говорил. Он умер пять лет назад.

— Как его звали?

Пауза.

— Его звали Аркадий. Аркадий Мельник. Мой дед.

Рука Веры дрогнула.

— Ваш дед?

— Да. Мой дед был Корректором. Передал знание моему отцу, отец — мне. Это семейная традиция. Линия.

— Ваш отец тоже был Корректором?

— Да. Его убили в 1994 году. Другой Корректор решил, что он предатель: хотел выйти из линии, нарушить правила.

— Какие правила?

— Не убивать своих. Не убивать невиновных. Не оставлять следов. Отец хотел остановиться. За это его и убили.

Вера почувствовала холодок.

— Кто его убил?

— Не знаю. Но, думаю, вы найдёте, если будете искать.

Он замолчал, посмотрел на потолок, будто видел там что-то недоступное ей.

— А теперь, — тихо произнёс Лев, — я хочу рассказать вам про вашего прапрадеда. Про Савелия Штерна. Про то, что он скрыл.

Вера застыла.

— Что вы знаете?

— Я знаю, что он был Корректором. Один из нас.

— Вы лжёте, — сказала Вера. — Савелий Штерн был следователем. Вёл дело Гурвича. Искал Корректора.

— Он искал, — согласился Лев. — Но не чтобы поймать, а чтобы скрыть правду. Он был частью линии, знал про монеты, про традицию, про «суд истории». Подделал документы, чтобы спасти брата. Стал Корректором.

— Это неправда.

— Правда. Проверьте в архивах, в старых бумагах, в записных книжках. Он оставил следы. Человек всегда оставляет следы.

Вера встала, посмотрела на Льва, на дверь, снова на него.

— Я проверю. И если вы лжёте, я найду способ это доказать.

— Проверяйте. Я не тороплюсь.

Она вышла, хлопнув дверью, прошла по коридору, села на скамейку и закрыла лицо руками. Не знала, кому верить. Лев был убийцей, фанатиком, но говорил так уверенно, будто знал, что прав.

Вера позвонила Виктору.

— Проснись. Нам нужно поговорить.

— Что случилось?

— Лев сказал, что твой прапрадед был Корректором. Что подделал документы, скрыл правду.

— Я знаю, — ответил Виктор.

Вера замерла.

— Что?

— Я знаю. Нашёл в записных книжках: он подделал признание, чтобы спасти брата, и стал Корректором. Я знал, но не хотел говорить. Не хотел, чтобы ты смотрела на меня так, как смотрят на Льва.

— Почему?

— Потому что это мой позор. Моя семья, моя кровь. Вера сжала телефон.

— Приезжай в управу. Сейчас. Нам нужно поговорить всем вместе.

— Хорошо.

Она положила трубку, пошла к Громову, всё рассказала. Он слушал молча, потом сказал:

— Это меняет дело.

— Да.

— Что будем делать?

— Допрашивать дальше. Лев знает больше. И хочет рассказать. Я это чувствую.

Громов кивнул.

— Работайте. Но будьте осторожны. Если Штерн действительно был Корректором, могут быть проблемы: с родственниками, начальством, прессой.

— Я понимаю.

Вера вернулась в допросную. Лев по-прежнему сидел и улыбался.

— Ну что? — спросил он. — Проверили?

— Мой коллега скоро приедет. Мы поговорим втроём. Вы

расскажете всё: про линию, Корректоров, Савелия, про всё.

— Хорошо, — сказал Лев. — Но помните: правда — это не то, что вы хотите услышать. Это то, что вы должны принять.

— Я готова.

Он улыбнулся медленно и холодно.

— Тогда слушайте.

Через час вошёл Виктор — бледный, усталый, но с тем же огнём в глазах. Он посмотрел на Льва, на Веру, на всю эту сцену.

— Я здесь, — сказал он. — Говорите.

Лев долго смотрел на него, потом произнёс:

— Твой прапрадед, Савелий Штерн, вступил в линию в 1899 году, после убийства судьи. Он вёл это дело, нашёл виновного — своего брата — и не сдал его. Подделал документы, спас брата и сам стал Корректором.

Виктор слушал с каменным лицом.

— Он вёл дело Гурвича в 1912 году. Знал, что это повторение, знал, что это «суд истории». Пытался остановить, но не смог: линия сильнее одного человека. Её можно только продолжить.

— Или разорвать, — тихо сказал Виктор.

Лев усмехнулся.

— Разорвать? Как?

— Правдой. Признанием. Рассказать людям всё: про линию, подделку, про всё.

— Это не поможет, — покачал головой Лев. — Люди хотят покоя, хотят забыть. Прошлое — это боль, кровь, смерть. Никто не хочет помнить.

— Я хочу, — твёрдо сказал Виктор. — Я расскажу. Всем.

— Тогда ты следующий, — спокойно произнёс Лев. — Ты не хочешь этого, но ты — часть линии. Не можешь выйти, как не смог твой прапрадед. Как не смог я.

Виктор сжал кулаки, но голос его звучал твёрдо:

— Я не убийца.

— Пока нет, — тихо ответил Лев. — Но станешь. Когда поймёшь, что правда не работает. Что справедливости нет. Что мир — это хаос, и единственный способ навести в нём порядок — это суд. Настоящий. Без бумаг, без адвокатов, без сроков давности.

Виктор молчал. Он смотрел на Льва, потом на Веру, потом снова на Льва. В его глазах боролись ярость и боль.

— Я найду другой способ, — наконец сказал он, поднимаясь. — Даже если это будет последнее, что я сделаю.

Он резко развернулся и вышел. Вера поспешила за ним. В коридоре Виктор остановился, прислонился к стене, будто ноги его едва держали.

— Он лжёт, — прошептал он, скорее себе, чем Вере. — Не во всём, но лжёт. Он хочет, чтобы я стал таким, как он. Чтобы я продолжил линию. Но я не стану.

Вера подошла ближе, посмотрела ему прямо в глаза.

— Я верю тебе, — тихо сказала она. — Но нам нужно не

просто верить. Нам нужно доказать: либо что он лжёт, либо что эта линия действительно существует, либо что твой прапрадед был частью этого. Нужны документы, доказательства, всё.

Виктор кивнул, выпрямился, стёр с лица усталость.

— Я найду, — пообещал он. — В архиве, в записных книжках, в каждом клочке бумаги. Я выверну прошлое наизнанку, но докопаюсь до истины.

Он пошёл к выходу. Вера задержалась на мгновение, потом достала телефон и набрала Алину.

— Алина? Это Вера. Мне нужна твоя помощь. Срочно.

— Что случилось?

— Лев арестован. Он рассказывает про линию Корректоров — про сеть, про то, что они существуют веками. Мне нужно, чтобы ты копнула глубоко: архивы, библиотеки, интернет — всё, что сможешь. Найди любые упоминания, любые совпадения, любые следы.

— Хорошо, — спокойно ответила Алина. — Сделаю. Но это займёт время.

— Время у нас есть, — сказала Вера, глядя на часы: было уже почти полдень. — Пока он в камере, время у нас есть.

Она отключила звонок, постояла ещё немного, собираясь с мыслями, потом пошла к своему кабинету. Села за стол, открыла папку с делом и начала читать, вглядываясь в каждую строчку, в каждое имя, в каждую дату — будто там, между сухих формулировок, пряталась разгадка.

А в камере Лев Мельник сидел на нарах, смотрел в серую стену и тихо улыбался. Потом прошептал, почти беззвучно:
— Помни. Всегда помни.

Он закрыл глаза и начал ждать. Он знал: линия продолжится. С ним или без него. Кто-то другой станет Корректором, кто-то другой будет вершить свой суд. Потому что прошлое нельзя остановить. Его можно только принять... или попытаться разорвать.

И где-то в городе уже просыпалось новое звено цепи.

Глава 7. Монета

Вера вернулась домой в половине двенадцатого. Поднялась по скрипучей лестнице старого дома, под тусклой лампочкой, которая мигала, как будто подмигивала кому-то в темноте. Достала ключи, вставила в замок, повернула — и замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.